

БРАТ
GRIMM

Лета Земадени

ТАМАНГУР

Лета Земадени

ТАМАНГУР

БРАТ
GRIMM

**БРАТ
GRIMM**

Лета Земадени

ТАМАНГУР

РОМАН

Перевод с немецкого
Сергея Морейно

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

В основе книги лежит издание
Leta Semadeni. *Tamanjur*. Rotpunktverlag, Цюрих 2015
Права на публикацию предоставлены издательством “Rotpunktverlag”

Лета Семадени. *Тамангур*. Русский Гулливер, Москва 2017. – 128 с. (12+)

Издательство и переводчик благодарят
Кантон Valais, Дом переводчиков Looren,
библиотеку города Saulkrasti

[lo:rən]
Translation House Looren

Вадим Месяц – руководитель проекта
Сергей Морейно – перевод
Франциска Цверг, Зорка Цикламини – консультации
Алда Бароне – редакция
Лаура Лацберга – фотография на обложке

Бабушка, охотник и Малышка. Деревня полна теней; глубоко в горах в сторону границы шипит река; церковь, школа, ресторан и деревенская площадь с завиральной скамьей. Здесь живет Малышка со своей бабушкой. Третий стул у стола пустует, дедушка, заядлый охотник, теперь в *Тамангуре*. «Просто мушиная точка на карте», – говорит бабушка про деревню, и втыкает в висающую на кухне карту мира булавки: Венеция, Тумбако, Гавана, Париж. Их она вспоминает с удовольствием. Дедушку же, у которого «ступни были как шелк» – с болью. А Малышке то и дело снится младший брат, чье тельце уносят к *Черному Морю* речные волны. Сердце бабушки открыто всем: трубочисту, любящему мужчин; портнихе, крадущей воспоминания; «чудной» Эльзе, живущей с Элвисом...

© Rotpunktverlag, Zürich 2015
© Leta Semadeni: *текст*, 2014
© Сергей Морейно: *перевод*, 2017
© Laura Lächerger: *фото*, 2012
© Русский Гулливер: *издание*, 2017

ISBN 978-5-91627-159-1

ЛЕТА ЗЕМАДЕНИ —

швейцарская поэтесса, переводчица и писательница. Родилась в 1944 году в Нижнем Энгадине (кантон Граубюнден). Дочь драматурга и режиссера Йона Земадени. Преподавала в Еврейской школе в Цюрихе и Альпийском лицее Цуоц — в общей сложности почти тридцать лет. С 2005 года занимается исключительно литературой. Издала несколько двуязычных лирических сборников на валладере (диалект ретороманского языка) и немецком, среди них: «В моей жизни в качестве лисы» (2010), «Тигрик» (2007), «Кухонные стихотворения» (2006) [О деревушке/ между покрытыми снегом вулканами/ и дикими чащами]. Литературная премия Швейцарии (2016) за дебютный роман «Тамангур», написанный на немецком языке. Премия кантона Граубюнден за вклад в культуру (2017). Название Тамангур восходит к высокогорному ландшафту, покрытому болотами и поросшему кедровой сосной. «Я живу неподалеку от места, в котором я выросла. Истории стоят у дверей. Бабушка, дедушка. Мать, отец. Деревня. Теперь им нужно пространство» (Лета Земадени).

Полдень, звон колокольчиков, улицы опустели. Сквозь трещины под ногами сочится гудрон. Малышка нагибается, наковыривает указательным пальцем комок черной массы, быстро машет пальцем в воздухе, чтобы гудрон остыл, затем сует этот комок себе в рот и принимается жевать, живо взбираясь по крутой улочке, опустив голову, целиком захвачена окончанием истории, которую сегодня прочитал им учитель: доверху нагруженная сеном барка уносит влюбленных, а багряный как золото месяц кладет на реку блестящий шлейф.

У гудрона во рту тревожный вкус.

Одно ее ухо всё еще открыто шумам улицы, оно улавливает приближающиеся навстречу дробные шаги, и, стоит шагам поравняться со свободным ухом, как губы сами собой желают доброго дня.

Не получив в ответ никакого «здравствуй», Малышка мгновенно выныривает из истории с багряным месяцем, поправляет на носу очки и смотрит шагам вслед.

Вниз по крутой улочке бежит ржаво-красная коза с черной полосой на спине. Внезапно коза оборачивается и смотрит так, будто хотела бы попросить прощения за свою невежливость.

Дедушка мог сказать бабушке: Ты что коза, посмотреть на тебя, такая привязчивая, но едва почувешь свежую травку, тебя уже ничем не удержать.

А вскоре Малышка сидит за кухонным столом и ест вместе с бабушкой суп. Пожилая женщина время от времени откладывает ложку на тарелку и разглядывает потолок.

Третий стул у стола пустует. Дедушка в Тамангуре.

К кухонному окну склоняется большой куст бузины.
На нем уже полно ягод.

В тот самый миг, когда охотника забирают в Тамангур, он теряет ровно двадцать один грамм, поскольку душа делает ноги из тела, чтобы вернуться туда, где она обитала раньше.

Душа раб привычки, — говорит бабушка, — сил у нее будь здоров, хоть она и весит всего ничего, при этом всегда норовит сделать по-своему.

Для души нет преград, было бы желание. При своем весе в двадцать один грамм она повсюду найдет местечко пригнуться и вырвать бабушку из паутины дней. Бабушка спорит и ругается с душой: ничтожество, — говорит она, — да ты сама неприглядность! Ну что мне с такой неприглядной делать?

Деревня полна теней, глубоко посаженное в горах место, а еще глубже, урча между горами, в сторону границы шипит река, сильная и блестящая.

Церковь стоит на холме невдалеке от лесной опушки, рядом школа, пара лавок, ресторан и деревенская площадь. На ней есть длинная скамья.

Если скамья пуста, Малышка садится на нее и размышляет, что за истории скамье довелось выслушать. Возможно, кое-где она еще теплая, а это означает, что кто-то недавно посиживал на ней и врал направо и налево. Оттого скамью зовут завиральной.

Малышка ведет пальцем по зарубкам и засечкам в дереве, какая-то собака или коза проходит мимо по центральной улице, к этому часу сверкающей на солнце и воняющей гудроном.

Отчего коза без колокольчика всегда гуляет одна, совершенно непонятно. Не заплутала ли она среди этих улочек? Словно бы она постоянно находилась в поиске неизвестно чего.

Время от времени Малышку удручают напрасные козы поиски. Она не может спокойно оставаться в стороне от чужих забот.

Распадок по другую сторону реки исчезает где-то в горах.

Дедушка рассказывал Малышке, что там есть снежные зайцы и снежные куропатки, а также другие существа и растения, которые умело подстраивают свой наряд под окружающий их мир, чтобы стать невидимыми.

Бывают вечера, когда всё кругом имеет вкус печали. Для их деревни у бабушки нет добрых слов.

Она заканчивается, не успев начаться — говорит бабушка, — просто мушиная точка на карте.

Когда ветер задувает в лесу, то можно сразу почувствовать осеннюю дрожь.

Бабушка шумно втягивает ноздрями воздух. Она всегда так поступает, чтобы слезы спрятались обратно в свои каналцы. И вот глаза ее вновь широко распахнуты, она тербит волосы, потом раздевается.

Под платьем она носит другое платье, цвета кожи, с блестящими крючками, которые она расцепляет по одному. Она тщательно складывает платье, бережно кладет его на стул и оглаживает ладонями.

Даже голой бабушка кажется застегнутой на все пуговицы. Перед зеркалом она ненадолго замирает, с интересом всматриваясь, как будто там отражена другая женщина. Она показывает этой другой свой зад и поворачивает голову к зеркалу, чтобы увидеть, как другая выглядывает сзади без ночной рубашки.

У бабушки очень маленькие ступни. Когда она лежит на кровати, вытянув ноги, подушечки пальцев напоминают сочные ягоды, однако стоит ей встать на коврик, эти ягоды сплющиваются под весом ее тела и делаются как клецки. Тяжесть вдавливают их в цветочный узор прикроватного половика.

Она еще раз проплывает через спальню, приоткрывает окно, возвращается к зеркалу, берет в ладони свои тяжелые груди, и, немного их приподняв, говорит той другой в зеркале:

А грудь у меня всё еще хороша.

В бледном свете уличного фонаря ее корсет с серебряными крючками похож на насекомое.

Бабушкино сердце — это большой лес с густыми дубьями, деревьями карликовыми и под небеса, в нем много кустарников. Туда можно зайти побродить, но там можно заблудиться.

В нем имеются и просеки, они раскрываются как сюрприз. Один лишь шаг, и Малышка уже вышла из тени, над головой небо, мягкие подушки облаков, солнце. А бабушка словно ангел, который исполнит любое желание.

Вот она пронесится по всему жилищу, берет Малышку за руку, мчится с ней в обувную лавку и вдруг покупает ей красные балетки, ее давнишнюю мечту.

В следующий раз Малышка оказывается загнанной в заросли, царапающие руки и ноги, ветви хлещут в лицо, Малышка ныряет во тьму и дрожит перед бабушкой, превратившейся в ведьму.

Вовсе не желая того, Малышка пробудила в ней одно дурное воспоминание; в неподходящий момент извлекла она из бабушкиного пианино неверный тон.

Тогда Малышка ненавидит бабушку изо всех сил. То, как она плотно сжимает губы, потому что во рту у нее набух целый комок недобрых слов. Малышке известны эти тонкие губы, в такие моменты ей лучше быть начеку, ей приходится заползти в подросток, пока бабушкин рот не расслабится снова.

Нельзя позволить большому комку вырваться. Есть слова и интонации, ранящие сердце более любого острого ножа. Будет разумнее затаиться на время в подростке и быть тише воды, ниже травы.

С сердцем как с суставами, — говорит бабушка. — Возьмем к примеру Индию, — говорит она. — Там есть девяносто-

летние мужчины, способные скрестить ноги на шее. Сердце тоже нужно упражнять. Его надо потрясать — испытывать на разрыв, чтобы оно сохранило форму. Им нужно пользоваться, пока оно бьется, иначе оно окончательно усохнет и будет выглядеть как сморщенная картофелина.

Ей не доставляет радости вечно ждать на скамеечке возле дома и вязать носки. Носков она навязалась вдоволь. Для дедушки. Чтобы его бархатные ножки, надежно хранимые любовью и пряжей, возвращались к ней с охоты.

Она узнает его сразу, едва он появится с той стороны реки на лесной опушке и большими пружинящими шагами станет спускаться к мосту. С добычей или же без, у него королевская поступь.

Как только бабушка ложится рядом с Малышкой на кровать, она берется за газету и еще немного читает.

Посмотрим, кто у нас протянул нынче ножки и впредь станет стеречь для Боженьки его цыплят.

О, — вырывается у нее, — тут вот некто *обрел смерть!* Можно решить, он ее *искал!* Можно подумать, кто-нибудь и вправду хочет найти смерть — кроме самоубийц. А им-то нечего ее искать, они с ней вась-вась.

В ночи раздражение и гнев расцветают особенно ярко. В свете лампы глаза бабушки тревожно сверкают. Однако Малышке не страшно, эти раздражение и гнев ей хорошо знакомы, они повседневны, как дождь. Бабушка знает, что может позволить себе что угодно, но терять Малышку она не собирается. Малышка скользит по волне ее мыслей, она может их слышать, и у нее достаточно хороший нюх, чтобы знать, что скрывается за бабушкиным гневом.

Бабушка гасит свет. В темноте слышно еще лучше.

За домом в погребке уселась лягушка-мать со всем своим выводком и квакает.

Она живет там давно.

*Дверь отвори, не гони меня прочь!
Ты королева, младшая дочь,
помни о том, что ты мне должна,
иначе обещаниям твоим грош цена,
ты ведь захотела мне миленькой быть,
лишь бы прозрачной водички испить.*

В то далекое утро беспокойство вырвало Малышку из сна раньше обыкновенного. Еще не открывая глаз, она навострила уши, однако под подушкой всё было тихо. Аккуратно отогнула она левый уголок подушки. Лягушонок крепко спал, лежа с вытянутыми лапками. Даже когда Малышка легонько щелкнула его указательным пальцем, он не пошевелился, явно не желая просыпаться.

Вечером, когда Малышка вновь забралась в постель, заколдованного принца уже не было.

Матерью было строго запрещено брать животных в постель, в зачарованных принцах она совершенно не разбиралась. Историю с колодцем рассказал Малышке отец.

Лягушонок исчез без следа.

Возможно, он был изгнан матерью на улицу? Или же, пока Малышка спала, лягушонок уже был превращен в принца и теперь с нетерпением ждал ее по ту сторону реки, на лесной просеке или где-нибудь ниже по течению, среди барбарисов возле Слонового камня?

Но и там не было никого.

Носок левой ноги Малышки описывал круги в луже. Затем она опукала на колени и ждала, пока поверхность воды не разгладится и на ней понемногу не проявится ее лицо. Большим и указательным пальцами Малышка разводила своему отражению ноздри и скалила зубы, как это

делал порой Чан, бабушкин пес. Словно в испуге перед собственной гримасой, она зайцем прыгала в середину коричневой лужи. Шлёп! Руки кверху и прыг-скок, прыг-скок, шлеп-шлеп-шлеп. До тех пор, пока трусики полностью не вымокнут.

С пустой корзиной для белья бабушка выходит из ванной комнаты. На пластиковом шнуре над ванной друг за дружкой висят шестеро больших белых трусов с мелкими кружевами. Рядом стоит Малышка и определенно хочет что-то сказать о шеренге трусов. Ухмыляясь, она подыскивает слова. Все трусы прихвачены разноцветными прищепками. На фоне голубой кафельной плитки их полумесяцы вместе с прищепками образуют гирлянду смеющихся мордочек. Удовлетворенная Малышка спешит за бабушкой в кухню.

Ступеньки ведут со двора вверх до самого желтого дома. Справа от желтого дома относящийся к нему луг, там, в основном, и растут одуванчики. Сегодня луг в запустении, ни Чудной, ни Чудная не сидят на скамейке на краю луга, не приветствуют Малышку. Эльзы здесь тоже сегодня нет. Бабушка хорошо знает, что они за люди, эти Чудные.

У них мозги немного набекрень, но это вовсе не так страшно, — говорит бабушка. Ей тоже нравится ходить, склонив голову немного набок, порой так оно даже лучше, поскольку ничто не застит глаза. А оттого, что у Чудных мозги набекрень, они лучше других ощущают атмосферную циркуляцию.

У них красивый язык, — говорит бабушка, — язык, который вечно преподносит сюрпризы.

Она любит сюрпризы. Именно поэтому Эльза раз в неделю приходит в гости, на кофе или пообедать. Таким образом на бабушку снова обрушиваются сюрпризы ее выдумок и выходок.

Чудные обладают этим свежим взглядом на мир, — говорит она. — Ты будешь сильно озадачена, если попробуешь

посмотреть на вещи глазами Чудных. Мир для них отмыт до блеска, очищен от серой накипи.

Когда вся деревня тонет в дремотной скуке, нежданно-негаданно пройдет мимо Чудной или Чудная, разбудит целую деревню, даст пищу пересудам. Не будь Чудные среди нас, мы бы так и молили одно и то же или все время молчали бы.

Мы многим им обязаны: взрывами смеха весь день, сердитого либо сердечного, согревающими трениями с соседкой из-за того, что она против Чудных, зато бабушка за, материей, которой можно латать оставленные унынием прорехи, открытиями новых слов в новых сочетаниях, далеко ведущими ходами мысли, которые, если бы не Чудные, никуда бы не вели, прогулками по новым местам, встречами с собственной тенью, которая кажется нам слегка чужой, временем, которое без них складывалось бы из одних секунд, минут и часов, временем, что, сокращаясь, стягивается к единственной сияющей точке отсчета. И редкими запахами.

Да, запахи, которыми Чудные умеют делиться, одна из тех вещей, что связывают бабушку с Чудными. Бабушка обладает даром распознавать вещи на нюх, и она хочет передать эстафету дальше, для чего занимается натаскиванием Малышки, которая в конце концов ее же и переплевывает.

Эльзу не трогает то, что ее считают Чудной. Временами это вполне забавно, быть чужеродным телом, — говорит она, — это тешит мои театральные наклонности.

В желтом доме, — говорит Эльза, — живут самые разные люди. Например, Роман и его подруга Эва. Он запрещает ей сидеть на солнце, потому что очень любит белую кожу. Эвины платья он шьет сам. Для этого Эва раздевается до гола, Роман обматывает ее сверху донизу туалетной бумагой и делает из этого выкройку, — говорит Эльза.

Когда тень от горы разрезает дом на две части, бабушка не жалуется деревню. Она думает о дедушке. В темное время мне в деревне становится тесно, — говорит она. Значит, это память спящей бестией устроилась тут и там и загродила пути. Постоянно случается на нее наткаться, обходить за три версты, не дай бог, тронешь ее хоть пальцем или чисто по недосмотру наступишь на нее, и она прощется и потрусит за тобой, верная как Чан, пес, который тоже знает про тебя все, даже то, чего сам еще не знаешь.

Тогда пристраивается этакая бестия под кроватью и выставляет наружу, на ковер, кончик хвоста, чтобы бабушка наступала на него всякий раз, когда хочет лечь, и ей снова снились бы сны. Это могут быть сны про «Куин Мэри». Она не помнит, что за ветры дули во время морского плавания, но ее белое тело должно знать, обнаруживая это по ночам, когда бабушка спит рядом с Малышкой, сидящей в полусне на кровати и глядящей, как бабушка мечется всем своим тяжелым телом туда-сюда. Словно волна.

Тогда перед ней была океанская даль, а рядом с ней был дедушка и еще тысяча желаний, которые только и ждали того, чтобы исполниться.

Ночная рубашка, ноги глубоко закутаны в дедушкины носки. Вспокоенная громким пением, Малышка стоит на пороге гостиной.

Ибо всякая плоть как трава, и всякая слава людская как цвет на траве, засохла трава, и цвет опал. Плоть и трава, трава и плоть, — бормочет бабушка, — что за бредни!

Распущенные бабушкины волосы вечером суть трава, когда снег весной отпускает ее на свободу, ну а по утрам они висят светлыми облачками у нее за спиной. Она прикручивает радио и поворачивает голову к двери.

Иди сюда, — говорит бабушка и сажает Малышку на колени.

Связанные бабушкой дедушкины носки достают Малышки до колен, их толстые пятки свисают от икр вниз, как пустые мешочки. Толще и тяжелее стопы эта пятка, и шерсть на ней другого цвета. Двойная вязка, — говорит бабушка. — Для охоты, — и легонько теребит шерстяную нитку.

Его ступни были как шелк, — говорит она, — как у девушки. Белее снега.

Когда она думает про дедушку в Тамангуре, то обязательно смотрит вверх и у нее этот взгляд.

Его ступни были как шелк, — говорит она и разглядывает потолок. Сквозь потолок она разглядывает всевозможные небеса, а больше всего любит смотреть на облака. Там, наверху, должен быть Тамангур, — думает Малышка. — Только людей отсюда не видно.

Порой, когда с горного склона доносятся раскаты лавины, когда ветер надувает грозу или молния ударяет

в лиственницу на том берегу реки, это обязательно дело рук дедушки, сытого по горло тем, что смотрит вниз на одну лишь бабушку и бегает туда-сюда на своих шелковых ножках, все время по одному и тому же облаку. Он наверняка умирает там со скуки. Там не увидишь серн, играющих словно дети и весной спускающихся по снежным склонам поближе к первой траве, присев на свои огузки, как на сани. В Тамангуре нет галок, нет воскресений, нет запеченного мяса, нет пасхальных зайцев, нет каникул. Всё не взаправду, — говорит бабушка.

Правда ли то, что он должен бегать туда-сюда по одному и тому же облаку, или же он перепрыгивает на другие облака, и куда они уносят дедушку, когда небо безоблачно, этого бабушка не знает. Тамангур это такой особый рай для охотников, и дедушка, как охотник, поистине заслужил, чтобы его впустили в этот рай.

Некоторые мужчины только крали у меня время, — говорит бабушка, — но дедушка вернул мне его двукрат, а то и трикрат.

Прежде чем отправиться в Тамангур, дедушка по утрам раньше всех оказывался за столом и помешивал столовой ложкой свой кофе. Когда Малышка садилась, он, подмигивая, поднимал высоко над кружкой полную расплавленного сыра ложку, и Малышка, от восторга втянув по самые уши голову в плечи, начинала хихикать.

Сыр в кофе, это было строго запрещено бабушкой.

Ты опять занимаешься с ней чистой воды ерундой, — летело из угла, где, прижимая буханку к груди, бабушка примеривалась нарезать хлеб на ломти.

Кто-то ведь *должен*, — мирно отвечал дедушка, — а ты займешься с ней остальным.

Он вопросительно смотрел на Малышку, та кивала, дедушка вынимал из кармана армейский нож, кроил в чашку пару добрых кусков сыра, заливал горячим кофе, всыпал столовую ложку сахара, и Малышка начинала помешивать, пока сыр не выпускал бледно-желтые щупальца.

Когда бабушка подходила к столу, оба сидели как ни в чем не бывало, уставившись в свои чашки, и бабушка со вздохом усаживалась на стул. Провести ее было невозможно. Сощуриив свои глаза, она наблюдала за щупальцами, которые протягивались от чашек к губам Малышки и к дедушкиным усам.

Как всегда, когда бабушка доходила до белого каления, дедушка остужал ее поцелуем.

Была еще и другая игра.

В дальнем углу сада есть старое дерево сирени, под ним по воскресеньям дедушка и Малышка устраивали маленькую сиесту.

Покажи мне *твои* зубы, — говорила Малышка.

Дедушка доставал из кармана большое черное портмоне. Очень медленно и очень серьезно. Потом вынимал из мягкой кожи маленький пакетик из папиросной бумаги. От ее шороха по спине Малышки обычно пробегали мурашки.

Пять длинных, желтых зубов. Ровно столько, сколько щербин во рту у дедушки. Малышке разрешалось потрогать эти длинные, желтые олени зубы, и каждый раз она слегка вздрагивала и втягивала голову в плечи.

Когда человек стареет, — говорил дедушка, заворачивая олени зубы обратно в папиросную бумагу, — ему уже не нужно так много зубов. Кусать надо, пока молодой. Потом будет поздно, — говорил он и смотрел вверх сквозь крону сирени.

Вот он сидит, сложив руки на коленях. Зеленый кузнечик переползает через его левую ладонь и прыгает Малышке в подол.

Зачем тебе такие большие руки? — спрашивает Малышка.

Оттого, что у бабушки большие груди. Им нужно много места, по руке на каждую.

У меня тоже будут такие большие груди, как у бабушки?

Они будут у тебя ровно такие, чтобы уместиться в руках мужчины, который тебе понравится, — говорит дедушка, — и оба смотрят вверх, на ветки сирени, погрузившись в собственные мысли.

Не то сирень пахла дедушкой, не то это дедушка пах сиренью, разобрать было невозможно. Дерево стояло в полном цвету, и ветер доносил его запах вплоть до самого дома.

Весной под деревом расцветают одуванчики, такая веселая лужайка, земля здесь мягкая и ласковая.

Бывают дни, когда Малышка стоит, прислонившись к стволу, и размышляет, много ли времени понадобится, чтобы выкопать яму, куда она поместится с руками и ногами.

На кухне висит бабушкина карта мира со всеми ее «местами». Ей нравилось путешествовать, одной, из любопытства, а потом вместе с дедушкой. Когда она забывает одно из мест, то воткнутые булавки помогают ей вспомнить.

Пока бабушка раскладывает по тарелкам картофельное пюре и сардельки, Малышка громко читает названия мест: Венеция, Санкт-Мориц, Рим, Тумбако, Ла-Пас, Гавана, Вернойхен, Роквилл, Париж...

От стольких мест в голове остался всего лишь островок, — говорит бабушка, — зато отдельные вещи на островке блестят, как хорошо отполированная монета, в то время как вокруг этого островка всё тонет под толстым слоем серой пыли.

Из шуфлядки под скатертью она вынимает визитную карточку: «Слиман Уали, творец уитризма и саблизма», а чуть выше «Скульптор-анималист. Париж, площадь Бастий».

Ей до сих пор помнится, как розовели на просвет уши Слимана Уали. Он стоит перед ее глазами огромной выпуклой фотографией, она сумела бы нарисовать его, умей она рисовать, настолько отчетлив образ.

Слиман заявляется к ней неожиданно, по непонятной причине. Неизвестно, что заставляет его совершать прыжок от Бастилии напрямик в голову и на язык бабушке, которая вот-вот соберется резать кружочками почернелую колбасу.

Он мгновенно расставляет своих птиц из проволоки и битых ракушек прямо на асфальте, в самой гуще рынка Бастий, среди помидорных, салатных, огуречных, банановых и манговых бастиионов. В этот раз птиц семнадцать, когда меньше, когда больше. У бабушкиной истории имеется несколько вариантов.

Скорее всего, в Париже июль, жарко, проволочные когти птиц влипают в размягченный асфальт. Порой живой голубь на мгновение приблизится к проволочным собратьям, сядет и тотчас улетит прочь.

У всех птиц добродушное лицо, как у Слимана Уали, и у них его глаза. Круглые мясистые веки защищают от любопытных взглядов. Он поднимает веки, как в замедленной съемке, будто силится что-то из себя вытолкнуть или же что-либо в себя впустить. Оперение его птиц напоминает птички погадки, мусор, пыльными клочками скапливающийся под кроватями у горожан. На крыльях своих птицы несут легкие, как пух, светло-серые ворсистые хлопья. Он бережно, обеими руками усаживает каждую птицу, чтобы они не опрокинулись вбок на свои облачные крылья, и теперь кажется, что они могли бы внезапно, по одним лишь птицам понятной причине, взлететь и окунуться в облачную серость, и даже трепет их крыльев вполне различим.

Похоже, их шум будит Чана. Он покидает свое лежбище, потягивается, отряхивается и протяжно зевает.

Собачьим взглядом он сосредоточенно смотрит на Малышку, чтобы та уделила ему под столом кончик колбасы.

В Париже, — говорит бабушка, одним-единственным взглядом отсылая Чана обратно на его одеяло, — в Париже лестницы узкие и крутые, и квартиры там совершенно крошечные. В сумерки старые дамы в шлепанцах выскальзывают из своих крохотных квартир, с крохотными шариками собачек на руках. Дамы с утра не причесаны, у каждой второй на голове бигуди. Они аккуратно высаживают своих любимцев на асфальт и делают с ними, покуривая, кружок по кварталу. После чего надо быть чертовски внимательным, чтобы не вляпаться в свежую кучу. Нигде не лежит на улицах столько дерьма, как в Париже, — говорит бабушка.

В бабушкиной комнате около телевизора стоит старое пианино и на нем два подсвечника, из которых торчат две красные свечи. Им еще ни разу не приходилось гореть, однако фитили бабушка уже обожгла. Она не терпит свечей с необожженным фитилем.

Раньше, в молодости, она охотно играла, но сейчас ее пальцы больше не хотят слушаться.

Ее ноты по-прежнему лежат стопкой на стуле рядом.

В самом верху на нотном листе написано *Гностиены*, а немного ниже, между строчками нот, *Munissez-vous de clairvoyance* и *Ouvrez la tête*.

Что это значит? — спрашивает Малышка.

Открой глаза и наостри уши, — говорит бабушка.

Ушлый парень этот Сати, — говорит она.

В особые дни, неважно, ожидают гостей или нет, стол накрывается в столовой. Для этого у бабушки припасена мертвая птица, настолько крупная, что свисает по обеим сторонам воскресного блюда. Бабушка набивает ее как подушку. Шпигует травами, яблоками и орехами и зашивает нитками зияющую дыру. Малышка не хочет есть мертвую птицу со швом, швы о чем-то ей напоминают.

Из целлофанового сверточка, оставшегося на столе от птицы, бабушка вынимает печень, режет кусочками и бросает на сковородку в сливочное масло.

Аперитив, — говорит она и кормит Малышку с вилки.

Когда бабушка ест, ее глаза лучатся. Она вспоминает тот большой отель, в котором она работала вместе с дедушкой, и она любит рассказывать об этом Малышке, причем как можно больше. В еде она знает толк.

Еда лучше любого лекарства, — повторяет она при каждой okazji, — она помогает от всего. А когда очарование юности позади, нужно держаться доброй еды. И: кто делает доброе жаркое, у того доброе сердце.

Если ночью она не может уснуть из-за того, что днем опять затеяла курс похудения, то в лунном свете она садится за кухонный стол и воровским образом опустошает холодильник. Это успокаивает.

Завтра будет новый день, — говорит она Малышке, когда та показывается на кухне, опять в дедушкиных носках и с вопросительным взглядом, проснувшись и встревоженная тем, что рядом никого нет. — Завтра будет новый день, и можно будет заново сбросить пару-другую калорий. Это от нас никуда не денется.

Для получения десерта положено переходить в гостиную. Малышка на мгновение задерживается в коридоре, и когда свет гаснет, заглядывает сквозь замочную скважину назад, в столовую. Бабушка по-прежнему сидит за обеденным столом, положив грудь на столешницу, где та занимает место от бабушкиных локтей до края тарелки с мясом, и вместо уборки шумно обглаживает кости дочиста.

Входи же, — зовет она, — поверь, это самое лучшее. Чем ближе к кости, тем лучше.

Потом она идет с Малышкой на кухню, достает из холодильника бутылку сливок, делает большой глоток и говорит: Чтобы лучше пошло.

Если птица идет, в бабушкином животе находится еще место для десерта. Она не в состоянии пренебречь сладким.

Лишь перед Пасхой бабушка делает вид, что перестала есть сладости. Так она будит в себе тоску по заячьим ушам. У пасхального зайца уши лучше всего, — говорит она.

Бабушка любит тоску, она ее холит и лелеет. У тоски есть маленькие, острые коготки, которые заставляют человека двигаться.

Куда? Этого бабушка тоже не знает. Возможно, отсюда в Тамангур.

Тамангур там, куда, в общем-то, никто не хочет, — говорит она. Возможно, бабушка хочет не совсем туда, а лишь чуть-чуть в том направлении, чтобы быть ближе к дедушке, но не совсем.

Рай довольно плохо переносится теми, кто еще не умер, — говорит она.

В конце концов, здесь тоже неплохо, за кухонным столом, который сейчас напоминает разграбленный ларек с искромсанной птицей, бутылками, корками хлеба, жареным картофелем, горой грязных тарелок, вилок, ложек и ножей и тоской, присевшей на один из стульев.

Один из тех, кто крал время у бабушки, звался Гансом. Против его имени бабушка, собственно говоря, ничего не имела. Но с Гансами все равно что с военными. Их слишком много, а от обилия портится характер, — говорит она.

В спальне у Ганса были длинные, в пол, занавески цвета травы, которые в сумерках, если окно было открыто, сливались с зеленью луга. В такие часы было не разобрать, не то внешний мир вошел в комнату, не то комната вывалилась наружу в исполненный теней мир цветов, кустов и птиц. Сороки там тоже были, сорочья парочка с двумя чудесными птенцами, которые иногда решались подскочить к краю комнаты.

Постфактум, — говорит бабушка, — я полагаю, что задержалась там только ради тех сорок.

В колышущемся зазоре меж занавесками дрожит свет уличного фонаря, падающий на лицо бабушки. Лицо выглядит так, как будто бабушка от него отвернулась.

Слышно, как на улице мычит корова. Движения коров в соседском хлеву тоже можно слышать. Вот они склоняют набок головы, чтобы с открытыми глазами полностью уйти в свои большие тела: от жвачки и от шершавых языков товарок.

Ветер резвится на свежевывавшем снегу, мир словно преобразился. Да и в доме всё по-другому.

Наутро, когда Малышка встала с красными невыспавшимися глазами и запахом снега в ноздрях, бабушка, вытянув правую руку, сделала такой жест, словно была в силах подчинить себе любую угрозу, а потом сказала:

Когда человеку больше не страшно одиночество, тогда он свободен.

В течение целого дня Малышка пыталась понять, что может значить это слово: одиночество. Бабушка считает, что одиночество как-то связано с кулаком, который постоянно тычет Малышке в желудок и периодически не дает спать.

Пока Малышка с хозяйственной сумкой стоит на пороге гостиной, ожидая, что бабушка вернется к своему прежнему лицу и что-нибудь произнесет, снаружи на подоконник приземляется галка и начинает обследовать карниз. Бабушка стучит ей по стеклу костяшками пальцев, галка улетает, бабушка поворачивается и вновь оборачивается самой собой.

Странно, — говорит она, — что коровы мычат, таким вымученным и чужим выходит мычание.

Вместе они входят в кухню. Бабушка распаковывает карпа, принесенного Мальшкой из деревни, и который, как каждый год, был заранее, едва ли не за месяц, заказан у мясника.

С первого взгляда ясно: карп слишком велик для двоих. Это их первое Рождество без дедушки. Год назад, совершенно неожиданно, он *взял да и удрал*, — как говорит бабушка, — *по-тихому в Тамангур, этот трус*. Казимир и его жена в этом году прийти не смогут. Отец с матерью уехали. Здесь остались лишь двое, пожилая женщина и Малышка. И еще Чан, пес.

Оттого бабушка пригласила Эльзу, что живет в желтом доме и не раз помогала ей собирать ягоды, гладить белье или мыть окна. Подобными вечерами люди не должны оставаться одни.

Ровно в семь звонят в дверь. Эльза ангелом в шубе перешагивает через порог. Она вплела в свои серые косицы мишурные волосы ангела и канцелярскими скрепками скрепила их на затылке. Малышка слегка побаивается Эльзы, однако бабушка находит ее освежающей. Про большинство людей заранее известно, что они могут сказать, это до тошноты скучно, и чтобы это вынести, нужно нацепить на лицо маску гостеприимства, а самому внутренне немного вздремнуть. Эльза, напротив, преисполнена сюрпризов, — говорит бабушка, — она славная девочка, стоит лишь к ней прислушаться. Эльза умеет собрать самые несоединимые вещи и связать их в аккуратный узел. Кроме того, — говорит бабушка, — я целиком и полностью за видовое многообразие. Но у меня нет безразличия, необходимого для того, чтобы предаваться веселью со скучными людьми. В мои годы на это и времени-то нет.

В качестве сюрприза Эльза привела Элвиса. Разумеется, на нем опять его дурацкий маскхалат, белый, с искрившимися

блестками. Потому что Рождество, — говорит Эльза, — и потому что в Рождество все должно блестеть и искриться. Горы за окнами тоже искрятся наперегонки с блестками у Эльвиса на груди и целят своими пиками в луну и звезды.

Пространство вокруг Эльзы слабо пахнет духами Chanel № 5 и картофельным погребом — то есть, Эльзой. Никто не знает точно, когда Эльза и Элвис стали парой. Когда-то, одним ранним утром после бессонной ночи, по дороге за хлебом насущным она шла мимо «Альпенрозе» и знала, что должна во что бы то ни стало зайти внутрь, тотчас, немедленно. Хотя время было без копеек восемь, и ей стоило опасаться, что черный человек как раз принимает свой утренний стаканчик.

Она вновь задумалась о всемирном тяготении и о времени, которое посеребрило ее черные волосы. В том, что время вступило с силой всемирного тяготения в заговор против нее, Эльза была убеждена. Совершенно бессмысленно себя обманывать, — любила говорить Эльза, — можно сколько угодно упиваться искрящимися камушками и мехами, но невозможно провести время и тяготение. Как ни крути, но когда ты, посерев от дневной усталости, влезашь вечером в пижаму, они вновь ударяют по рукам, и наутро результат налицо.

История с Элвисом тоже так или иначе связана со временем и с всемирным тяготением. В это неприглядное утро эти силы привели Эльзу прямо в «Альпенрозе» и в объятия Элвиса.

И тогда я провалилась в детство, — рассказывала Эльза. — Трубочист действительно еще стоял у стойки, черный как вороново крыло, с бокалом красного вина в руке, которая ранним утром была еще розовой и, словно чужая, выглядывала из черного рукава, в точности как его лицо из высокого воротника, защищающего от сажи его шею.

Он постоянно должен много пить, чтобы выполо-
скать из своей глотки всю копоть, — уверяет бабушка,

если речь заходила о трубочисте, — и он делает это *профилактически* с самого утра.

Этим утром за стойкой стояла кельнерша Клаудия, которая, когда Эльза вошла, занималась тем, что прикладывала грязные бокалы ко рту и усиленно дула в них, чтобы после мягкой тряпочкой удалить налет со стенок и доньшка.

Ты же так душу из тела выдохнешь, — сказала кельнерше Эльза, — через несколько лет останешься без души.

У меня ее никогда и не было, — ответила Клаудия, — и Эльзе сразу стало ясно, отчего Клаудии не нужно было бояться трубочиста: ей было нечего терять.

Я много чего боюсь, — говорит Эльза, — не боятся одни трусы.

Внутри *детства* некстати проснулась муха, она летала безумными зигзагами по «Альпенрозе» и тем самым привлекла внимание Эльзы к маленькому столику слева от второй двери с надписью «Посторонним вход воспрещен». Там-то собственной персоной и сидел над кружкой пива Элвис, втирая в волосы бриолин.

С тех пор они пара. В горе и в радости, в болезни и в здравии. Это была любовь с первого взгляда. С тех пор черный человек ей ничем не угрожает.

Элвис принял ее в объятия, и напел ей на ушко *Are you lonesome tonight*, и стащил с ее пальца один камушек, нежно, ласково.

С ним не всегда было легко.

Случались дни, когда мне приходилось дать ему пинка под зад, — говорила Эльза, — из-за камушка, из-за того, что занимал чересчур много места. А то просто так, из чистого удовольствия. В этом движении, вот так, от бедра, есть что-то раскрепощающее.

Она брала небольшую паузу.

Отсутствующие вещи, они всегда занимают так много места.

Бывают дни, когда Эльза так крепко и свежо влюблена, что готова первому встречному рассказывать о своей влюбленности в Элвиса. Прежде всего, если он снова взял да и удрал, например, в Париж, где он вероятнее всего сидит на берегу Сены и вместе с клошарами поет под гитару ее любимую песню.

Ее волосы в такие дни растут из головы словно антенны, растут в сторону Элвиса, навстречу перестуку Транс-европейского экспресса из Парижа. Ей хочется быть рядом с ним, а не в этом захолустье. Элвис украл ее сердце, и сейчас, в парижском поезде, оно громко бьется навстречу деревне. Оно бьется и стучит так громко, что его слышно даже в комнате бабушки, где Эльза сидит с поникшими плечами, скучая по Элвису.

Да, — говорит она сейчас, кладя свои голубые перчатки из козловой кожи в корзину возле вешалки — эти внезапные скачки времени, даже не верится, что мы все еще вместе, Элвис и я. А между тем все эти души так и лежат где-то, разбросанные по обочинам дорог. С ними презрительно, без жалости покончено. Ты попросту шагаешь дальше, как будто и не было ничего. Вот они лежат, не убереглись, слишком близко подлетели к факелу и уже распались в прах и пепел.

Какому факелу? — спрашивает бабушка, помогая ей снять пальто. Ко мне, — говорит Эльза, — ты же знаешь.

Понятно, — говорит бабушка и ведет ее на кухню, а Элвиса высылает в столовую, чтобы он, в своем маскхалате, не изгваздался на кухне. Мужчины только мешают во время стряпни, особенно если они носят маскхалат. Никогда не знаешь, что может прийти им в голову под их камуфляжем.

Тут Эльза умолкает, бабушка тоже умолкла, какая-то тяжесть легла на всё, на кухню, над карпа и на Мальшку. Та чувствует смутную опасность. В таких ситуациях молчание может всех запросто проглотить, а никто и не заметит.

Мне хочется есть, — говорит Малышка чуть громче положенного, и бабушка с Эльзой принимаются за работу. Первым делом бабушка острым ножом энергично сдирает с карпа блестящую чешую, а Эльза делает на нем маленькие надрезы, чтобы потом окропить их лимонным соком. Вместе они заправляют и фаршируют его брюхо пряностями и очищенным мелкорубленным картофелем, пока оно туго-натуго не надуется. Потом карпа кладут открытой раной на подушку из фенхеля, моркови и сельдерея и задвигают противень в раскаленную духовку.

Эльза вегетарианка, даже рыбу не ест, но она делает исключения. В течение года она из принципа не ест животных, хотя они ей, собственно, по вкусу. Впрочем, иной раз ради гастрономического удовольствия она рисует маслом рыбу и куски жареного мяса, о которых в данный момент думает.

Наряду с жарким, колбасами и прочими отбивными Эльза рисует картины, на которых ничего не понятно. Когда ей весело, она рисует черные картины, когда грустно, то красит холст в желтый или красный.

Это для сохранения равновесия, — говорит она. Она не знает точно, зачем иногда просто красит поверхность холста, но считает, что по-настоящему важные вещи так и так не нарисуешь, зато их можно обнаружить на этих поверхностях.

Тем временем бабушка с помощью Эльзы и Малышки уже накрыла в столовой. Как бы то ни было, сегодня, в конце концов, праздник, а в праздник негоже есть на кухне. Есть какие-то устои, — настаивает она, — иначе человек делается неустойчив, а бабушка не в ладах с неустойчивостью. Неустойчивость предшествует падению.

Двери в гостиную пока что остаются запертыми. Никогда ведь не знаешь. Может быть. Быть может,

Младенец Христос проявит сочувствие к обыкновенной Малышке и заглянет на огонек. Младенец Христос на то и младенец, он, может быть, все видел — и все понял. Ну что ей, маленькой девочке, было делать? Река такая сильная, ее саму чуть было не сорвало. Она же звала, кричала.

Тихий и маленький, все меньше и меньше, с пугающей очевидностью, нимало не сопротивляясь, младший брат раскачивался тусклой рыбкой на бурной, искрящейся воде, все дальше и дальше, меньше и меньше, пока не превратился в крохотное пятно, пока его окончательно, целиком и полностью, не забрала с собой волна.

Куда течет наша река? — была спрошена бабушка некоторое время спустя.

В Черное море.

Эльза вновь сидит с бабушкой за столом и рассуждает о Млечном Пути. Бабушка кивает, словно бы и ей в свое время довелось погулять по Млечному Пути и доподлинно узнать, как он выглядит.

На вопрос Малышки она отвечает: А сама ты как считаешь, почему Млечный Путь зовется Млечным?

Малышка представляет себе, как человек из молочной лавки в самом верху крутой улочки опорояняет молочные баки, и молоко течет вниз по улочке, образуется белая река, и эта река уносит с собой всё, грязь, кремнистую гальку, козьи орешки. Даже невежливую козу она смывает с ног. Коза опрокидывается на спину, брыкается, блеет, пока внизу в долине она не отдается реке целиком, и река белеет, а еще через много дней белая река вместе с козой добирается до самого Черного моря, в котором выслеживает корабли младший брат. Малышка довольна тем, что у козы в Черном море теперь будет своя компания.

Бабушка подгоняет ее. Хватит мечтать, — говорит она, — твоя полента давно остывает.

Малышка улыбается и быстро выхлебывает суп.

Бабушка всегда голодна. Она согревается собственным голодом, она умна, она прекрасно разбирается в достойных способах выживания.

Временами младший брат плыл с рыбами в черной как смоль воде далекого моря или же скакал верхом на спине огромной радужной форели сквозь волны и погонял ее, ликуя и смеясь, своей маленькой хвостинкой.

Однако этот сон имел и темную сторону. Тогда младший брат неожиданно соскальзывал со спинки форели в море и кричал, и кричал, а Малышка с криком просыпалась под боком у бабушки.

Она была полностью уверена, что из-за нее для матери померк солнечный свет, и та погрузилась в пучину мрака. Кто сумеет такое простить, даже матерям это не под силу.

Разве что бабушке может хватить сил.

Бабушка вынимает карпа из духовки, пробует корочку и кладет на большое блюдо. По краю этого блюда нарисованы камыши, его украшают морковкой, фенхелем, сельдереем и несут в столовую. Втроем, нет, вчетвером они усаживаются за накрытый белой скатертью стол. Бабушка кладет свою большую грудь на столешницу, чтобы та заняла свое постоянное место между бабушкиными локтями и краем тарелки, и начинает аккуратно разделять рыбу, отделяя мясо от костей. Мелкие хрустящие плавнички получает Эльза, щечки достаются Малышке.

Эльза одета в футболку с тигром на груди. Глаза тигра расположены в точности над ее сосками, и стоит Эльзе склониться над тарелкой, как тигриные глаза приходят в движение, будто и ему хочется наброситься на пищу.

Элвис по обыкновению тих, как мышь, и Эльза кормит его, словно маленького.

Что касается Эльзы, тут Малышку уже ничем не удивишь. Она именно что другая, — сказала раз бабушка, — а люди должны всячески хранить и поддерживать видовое многообразие. Тем не менее Малышка хихикает.

После еды они идут на кухню, где бабушка опять достает из холодильника бутылку сливок, *чтобы лучше пошло*.

Дедушка не мог есть мясо животных, которых он подстрелил, — внезапно говорит бабушка. Она складывает тарелки стопкой, и у нее снова этот взгляд.

Ночью ей снится дедушка. Малышка умеет распознавать звуки, которые бабушка издает во сне. В такие ночи бабушкин храп становится тише, а между храпами добавляются маленькие кузнечики. Тогда Малышка знает: он вновь проскользнул в ее сон, возможно идет через реку

на ее сторону, где она встала на скалистом берегу в своей розовой ночной рубашке, босая, с тем своим облачком волос на затылке, и тянет руки ему навстречу.

Пружинная кровать холмом высится в темноте, и под стрекот кузнечиков холм слегка вздрагивает.

В этом году маленький Казимир с супругой празднуют в доме престарелых, а прежде они являлись не позднее чем к десерту.

Обычно Казимир сидел, утонув в глубоком диване, слева его собственная жена, справа его собственное отчаяние. На цветастом ковре, только подчеркивавшем его отчаяние, его крохотные башмачки терялись рядом с его огромными черными балетками крокодиловой кожи.

Дело было не в размере, дело, как говорила бабушка, в манере носочков его башмаков робко глядеть внутрь, в то время как носы балеток, напротив, в дерзком порыве заявляли свои права на окружающее пространство.

Прежде, когда дедушка был еще здесь, Казимир зааживал и один; настроение у него тогда бывало прекрасным, просто прекрасным.

Ты вновь заложил за галстук, — замечал дедушка, — и делал Казимиру внушение, довольно серьезным тоном, зато с довольной улыбкой, точно так же, как обычно пенил Малышке, случись ей что-нибудь натворить.

Алкоголь словно печная щетка для души, — покрхывал Казимир. Пытаясь проделать пару танцевальных па, он спотыкался о красную лилию на краю ковра и мог бы упасть, не окажись рядом дивана.

Едва он ложился, Малышка, хихикая, вползала к нему на колени.

Печная щетка для души, — еще успевал пролепетать Казимир и вдруг совершенно затихал, с Малышкой на руках, пока она обдумывала про себя, как и что именно можно закладывать за галстук. И где обитает душа.

Где-то в глубине Казимира наверное. Со своей щеткой на длинной веревке трубочисту лучше всего было бы забраться в Казимира через горло. Трубочист знаком Малышке, такой черный человек, живущий на противоположной стороне улицы ближе к концу деревни. У него черная щетка, он скручивает ее змеей и носит на плече. Малышка представляла себе, как трубочист сует щетку Казимиру в горло — до самого дна и обратно и опять до дна, — пока душа вновь не засияет, как те трубы, за которыми полагалось ухаживать трубочисту.

Казимир маленький, худой и жилистый. Темная кожа, на лице глубокие морщины и от него хорошо пахнет. Малышка просто обожала этот запах. Раз уж пришел без жены... — смеялся Казимир, когда Малышка пощипывала за его правым ухом. Он сидел себе, кум королю, и не пялился все время вниз на собственные башмаки. И Чан, пес, ложился, довольный, неподалеку.

Да, да, мы вместе, — говорил Казимир, по одному отлепляя от своего горла пальчики Малышки.

К Малышке и псу Чану Казимир особенно благоволил. Хотя у Чана, старого ходока, оставалось лишь одно яичко, бабушка гордилась тем, что он якобы являлся отцом всех деревенских щенков. Его уцелевшее ухо было вечно настроено на поиски приключений. Покинув дом с утра, он возвращался настолько усталым, что засыпал, не успев толком улечься. И, пока он вытягивал, как в замедленной съемке, свою левую переднюю лапу, ему уже что-то снилось и он скулил во сне.

Что видят во сне собаки, бабушке было прекрасно известно. Они видят во сне колбасы, шницели и жирное жаркое, они видят крупные мозговые кости, в точности как люди. Любовь во сне они тоже видят. Как она.

Посмотрим, не принесла ли чего сорока в гостиную, — говорит бабушка, ставит бутылку со сливками обратно

в холодильник и плывет вместе с пудингом по коридору в сторону гостиной. Эльза вместе с Элвисом открывают двери. Он садится туда, где обычно сидел Казимир. В последний момент Эльза удерживает Малышку, чтобы та не села к нему на колени. Ее это не устраивает.

Все-таки Младенцу Христу пристало иметь немного сочувствия к обыкновенной Малышке. Вот и елка украшена, и свечи зажжены.

Под деревом, весь плюшевый, сидит черно-белый кот из книжки сказок, там же бутылка яичного ликера для бабушки, однако самый большой сюрприз ждет, безусловно, Эльзу: возле елки лежат украшенные красным бантом олени рога. Ноги не держат Эльзу, в восторге она опускается на колени и обнимает рога.

Храни их достойно, — говорит бабушка, — эти рога добыты дедушкой.

А Элвис? — спрашивает Малышка.

Бабушка медленно, как во сне, открывает бутылку и делает в качестве пробы довольно большой глоток, прежде чем поставить на стол три крохотных рюмки для Эльзы, Малышки и Элвиса и налить в них ликер.

Задача Эльзы — припорошить момент звездным блеском. Она бросается к стоящей в углу радиоле.

И тут — тут Элвис начинает петь. Звучно, так звучно и красиво, что Малышка слегка взвизгивает от радости. Эльза сбрасывает с ног лодочки и идет в танце с Малышкой и бабушкой вокруг дивана, выходит в коридор, потом идет в кухню и там танцует вокруг стола, потом в столовую, где на столе всё еще стоит тарелка с остатками карпа, и снова танцует по коридору назад — *Are you lonesome tonight*, — она тащит за собой смеющуюся Малышку и бабушку, при этом ее бедра то просто колышутся, то описывают круги — *Are you lonesome tonight? Do you miss me tonight? Are you sorry we drifted apart?*

Позже, когда Эльза и Элвис уже ушли, бабушка с Чаном остаются посидеть перед телевизором.

Опять начинает снежить, хлопья за оконным стеклом осыпаются вниз, и можно услышать, как снаружи, на лугу, две ночных птицы препираются из-за поживы. Двери в гостиную приоткрыты. Там на полу притаилась Малышка.

«Когда ты ощущала себя самой счастливой?» — спрашивает мужчина в ящике, женщина отвечает: «Только что». «Когда ты ощущала себя самой несчастной?» — спрашивает он, она отвечает: «Только что».

Сквозь щель в дверях Малышка видит бабушкин затылок в голубом луче. Ее волосы распущены и светло-серым облачком спадают на спинку кресла. Малышке слышно, как бабушка щелкает зубьями своего гребня, потом кладет его на стол и высмаркивается.

За завтраком она пересказывает себе и Малышке фильмы, которые она видела. Убийцы по большей части остаются за кадром. В такую рань убийцы перевариваются с трудом, — говорит она, — и рассказывает, например, про *смутных*.

Там были смутные, — говорит она.

Как это? — спрашивает Малышка.

Если ты снимешь свои очки, что ты увидишь? — спрашивает бабушка.

Тебя, в тумане, — отвечает Малышка.

Именно, — говорит бабушка, — ты видишь смутно, и это тебя интригует. Хочется влезть с головой в картинку, чтобы разглядеть подробнее. Смутные они как сигнал: смотри в оба!

Поэтому фильм ей понравился, а еще потому, что все было медленно. Ты мог разглядывать картинку, покуда кадр не застывал, но прежде чем окончательно застыть, действие трогалось с места. Бабушке было понятно: начинается что-то особенное, но никому в фильме это понятно не было, лишь зрителю, лишь ей было понятно.

Многие вещи начинаются и заканчиваются так, что ты этого не замечаешь, пока ты внутри. Все мы задним умом крепки, — говорит она.

Если женщина в фильме надевает красное пальто, ты чувствуешь, куда и зачем она идет, и если она в красном пальто идет сквозь туман, быстро, слегка пригнувшись, озираясь по сторонам, ты понимаешь, что женщина собралась пойти налево и надеется, что муж этого не заметит.

Малышка качает головой, пробуя представить себе что-нибудь такое.

Она видит прекрасную женщину в красном пальто, ноябрь, крутая улочка вроде той, где однажды ей

повстречалась невежливая коза, утопает в тумане, как если бы Малышка поздним вечером брела по деревне без очков.

Прекрасная женщина в красном пальто, куда же она идет? За школой, на углу, она пропадает из виду, сворачивает направо в парк с большими каштанами, чтобы под самым большим деревом ждать кого-то.

Прекрасная женщина — это бабушка, она ждет дедушку.

А можно *пойти направо*? — выдержав паузу, спрашивает Малышка.

Однако больше всего бабушка любит смотреть детективы, такие, например, где комиссар, появляясь на месте преступления, глядит в потолок, а зритель в его глазах может прочесть, что случилось нечто ужасное, ведь в глазах этих затаился ужас, и бабушка вдруг резко дергает головой в сторону от экрана и даже прикрывает глаза правой рукой.

Но Малышка знает, что при этом она хоть на краткий миг, да разведет пальцы, поскольку любопытство сильнее страха.

Ее самые любимые фильмы это те, в которых убийца настигает жертву сзади. Ты видишь лишь затылок, возможно, свисающую на спину толстую русую косу — и видишь на этой спине свой собственный страх. Страх следует рядом, прилипнув к этой спине как рюкзак, и неким коварным манером затягивает бабушку в фильм, так что к концу она перестает понимать, она кого-то настигает или сама настигнута. Подобные вещи бабушки находят *грандиозными*.

Для этого, впрочем, ей надо быть в духе, быть достаточно сильной, чтобы дать затянуть себя в историю таким подлым, коварным манером.

А Малышке пора спать, смотреть ей положительно нельзя. Предположительно.

Едва бабушка окажется внутри фильма, Малышка вместе с плюшевым котом тихо садится на пороге и смотрит сквозь дверную щель. Картинка целиком, конечно, не видна, зато все слышно, и хорошо видна бабушкина голова, ее белые волосы свешиваются с кресла и движутся, они легко вздрагивают, когда убийца нагоняет спину с русой косой,

и бабушка неожиданно вдыхает так глубоко, как будто это ее последний вдох, так что седые змейки на спинке кресла на миг взвиваются во внезапно наступившей тишине.

Малышка тоже задерживает дыхание, но бабушка все-таки замечает, что здесь кто-то есть, и не поворачивая головы говорит: Марш в кровать!

Трепеща, Малышка бредет наощупь по темному коридору и забирается под тяжелое пуховое одеяло, где засыпает лишь тогда, когда бабушка входит в комнату.

Ей снится фильм, снится спина с толстой русой кой, бегущая куда-то по экрану, но при этом делающаяся все ближе и крупнее, она тяжело дышит и топчется на месте, как вдруг на экране уже не бегущий куда-то русский завиток, это русский хохолок младшего брата, скачущий туда-туда по волнам и погружающийся все глубже, и Малышка кричит так громко, как только может: Вернись, вернись, вернись, — но ничего не может поделать. Младший брат уже исчез в Черном море.

Бабушка, напротив, любит и фильмы, и сны, которые ее периодически чем-то одаривают. Ночные слова и картинки помогают ей ухватить за хвост то счастье, которое они делили с дедушкой.

Пусть с ее снами подчас творится что-то неладное, она благоволит снам, поскольку сон имеет такую нахальную привычку перекраивать и сшивать заново времена и вещи, и обстоятельства, пускай и не подходящие друг другу на первый взгляд.

Точь-в-точь как Эльза.

Бабушка называет сон *строптивым*.

Сегодня ночью мне снился один особо *строптивый*, — может сказать она наутро, когда, проснувшись, но все еще не открывая глаз, она вытягивает вправо руку, чтобы потрепать Малышку по лицу, как если бы та была кошкой.

Плохие сны у бабушки случаются редко, несмотря на все детективы и фильмы ужасов. Они остаются на складе. Все, что пахивает несчастьем, бабушка умело запирает на замок в складках и изгибах своего тела. Лишь раз или два в год, когда ей случается забыться и не уследить, несчастье изворачивается и дарит бабушке плохой сон.

Тот сон большей частью связан с виолончелью. В этом виновата виолончелистка, которая вновь и вновьковыряет смычком в ране. Виолончелистка была первой, она первая открыла дедушку, убаюкала его своей виолончелью, соблазнила, поймала и подержала его какой-то срок, а потом растворилась без единого слова. Бабушка не уверена целиком, что смогла полностью запечатать ту брешь, которую виолончелистка оставила в дедушке, и бабушка не хочет, чтобы ей о ней напоминали.

Но от виолончели не спрячешься, если любишь слушать музыку и смотреть детективы. Пока русая коса, тяжело дыша, спасается бегством, ее травит темное, царапающее звучание виолончели, не успеешь оглянуться, как виолончелистка опять расковыривает рану своим смычком.

Однажды бабушка посмотрела фильм, который ее больше не отпускает. Посреди огромного города в Индии, где-то на улице, по которой взад-вперед муравьями ходили люди, белая женщина в прекрасном бледно-желтом платье сидит перед индийским машинописцем и надиктовывает ему свои печали.

Писец молотит указательными пальцами по клавишам машинки с такой скоростью, будто он угадывает печали этой женщины еще до того, как она облечет их в слова. Женщина не успевает ему диктовать, с такой скоростью он молотит, усиленно кивая при этом головой в знак согласия, мол, ему отнюдь не чужды ее печали, хотя сама женщина ему чужая.

Заполнив лист до конца, он с треском выдергивал его из пишущей машинки. Лист планировал на землю, а он моментально вкладывал новый. Целая пачка бумаги уже валялась на улице, и ветер над головами прохожих уносил ее вдаль.

Заметь, — всегда говорит бабушка в этом месте, — все листы были чистыми.

Коту под хвост, — говорит Малышка.

Именно, — говорит бабушка, — тем более, коты в принципе могут читать с чистого листа, у них острое зрение.

Если достаточно долго смотреть на пустой лист, то можно распознать отдельные сообщения. Правда, послания егзют на бумаге и делаются неуправляемыми. Тогда их необходимо укрощать и приучать к порядку.

Дедушка был большим мастером по этой части: он выдумывал истории с чистого листа.

Или рассказывал истории о различных предметах. Малышка должна была принести ему пустой лист бумаги или же какой-либо предмет, и дедушка сразу выдумывал про него историю.

Они сидели в саду под сиреневым деревом или в комнате, пока бабушка, по обыкновению с большим шумом, управлялась на кухне со сковородками.

Первая история называлась «Сердечная цепочка». Малышка нашла в погребе кусок железной цепочки. Ее звенья не имели острых краев, были красивой округлой формы и приятными на ощупь.

Она без слов положила цепочку на столе перед дедушкой. Из радио на кухне вырывался мужской голос: *E lucevan le stelle, entrava ella, fragrante, вошла она, благоухая, и на грудь мне упала*, — подпел дедушка, послушал немного и затем стал рассказывать:

Эту цепочку Эльза нашла однажды позади горной хижины на Пиц Мелан, когда они с Элвисом два дня ходили по горам.

Была светлая ночь, на небе блистали тысячи звезд, когда после ужина они вдвоем вышли немного подышать свежим воздухом. Одна особенно большая звезда привлекла их внимание к чему-то мерцавшему в траве: это была цепочка!

Спустя один день Эльза и Элвис принесли эту цепочку в музей соседней деревни.

После того как директор музея, всезнающий доктор Кля Каналь, подробно изучил цепочку под микроскопом,

он объяснил им, что речь, без сомнения, идет о так называемой «сердечной цепочке», и что такие цепочки были в обиходе у женщин, проживавших на восточном склоне Пиц Мелан.

Они использовали сердечные цепочки для того, чтобы приковывать мужские сердца к своим очагам.

В результате приковывания сердец свобода перемещения мужчин довольно резко сократилась.

Удалившись слишком сильно от собственного сердца в западном направлении, мужчина рисковал умереть либо — в случае задержания полицией — быть осужденным за бессердечие и понести строгую кару.

Впоследствии это превратилось в игру. Дедушка никогда не знал, когда Малышка принесет следующий предмет.

Это должно быть сюрпризом, — говорил он. Поэтому Малышка не могла приносить ему что-либо слишком часто, нужно было дожидаться, чтобы дедушка почти забыл об игре, иначе не получилось бы сюрприза.

Малышка старалась укротить свое нетерпение, а между делом собирала всевозможные и даже невозможные предметы, чтобы усложнить для дедушки задачу выдумывания историй.

Однажды она нашла у реки ржавую консервную банку, в другой раз стащила у бабушки кусок пемзы, которым та обрабатывала мозоль на большом пальце левой ноги. Она приносила ему пустую катушку или его шетину, которую выловила из умывальника и высушила меж двух листов промокательной бумаги, а раз притащила в дом к деду и бабке полученную от Эльзы старую наборную кассу.

Если истории нравились Малышке, то дедушка печатал эти истории на пишущей машинке и складывал их в специальную папку.

Как познакомились Теленок и птица Катюшка

Жил-был Теленок. Так как на свет он явился раньше, чем положено, то хромал на правую заднюю ногу, отчего ходил только на трех ногах, а это было довольно трудно.

Поэтому решил Теленок поискать помощи. Он отправился к дереву Блумиль, у которого совсем не было листьев, и оно от такого горя стало очень мудрым.

Ах, Блумиль, не мог бы ты мне помочь? — посетовал Теленок.

Ступай с миром, — сказал Блумиль, и его пустая крона задрожала. — По ту сторону ромашкового луга живет птица Катушка. Ты узнаешь ее по красной катушке, которую она носит в клюве.

Долго ли, коротко ли, нашел Теленок птицу Катушку. Она сидела на розовом кусте и наматывала нитку.

Милая птица, сделай так, чтобы я бегал как другие телята, — взмолился Теленок.

Сначала я должна домотать нитку, — сказала птица. Она домотала нитку, взяла в клюв два розовых шипа и всадила их Теленку в правую заднюю ногу.

Ой, — вскрикнул Теленок и проглотил катушку. Но птица Катушка успела схватить конец нитки и улетила с ним прочь.

У теленка тотчас выросла нормальная прекрасная задняя нога, и он, счастливый, принялся бойко скакать по ромашковому лугу.

Лишь изредка просыпался он посреди ночи и чувствовал, как поворачивается в его желудке катушка, и тогда вспоминал он птицу Катушку, улетающую все дальше, все выше, и с ниткой в клюве сплетающую паутину среди звезд.

Летом грушевое дерево раскидывается до самого окна на веранде, ветви прижимаются к стеклу и рвутся внутрь, стоит открыть окно. Сладкий сок маленьких груш привлекает ос, этих крылатых львов. Они упиваются его сладостью, а после нетвердо держатся на крыльях или же вяло лежат на полу веранды. Поэтому Малышке нельзя ходить по веранде босиком.

Некая оса угнездилась даже в складках кофточки, откуда упала бабушке на ладонь, когда та хотела растегнуть кнопку, чтобы поудобнее лечь, и чтобы ничего не жало и не врезалось в тело, когда ее большие груди упадут набок.

На веранде бабушка ежедневно воскрешает в памяти тот или иной часок былого. Она ложится спиной на софу, закрывает глаза и сразу после этого выталкивает изо рта воздух с такой силой, что звук напоминает развязавшийся воздушный шар.

Время от времени она открывает один глаз, скашивает его на Малышку и говорит:

Осторожно, осы!

Ровно через час она открывает оба глаза, говорит, что часок уже прошел, и, скovyрнув себя с кушетки, идет на кухню.

Из вазы на буфете она достает авокадо, разрезает его пополам, кладет на две маленьких тарелки и кропит лимонным соком и оливковым маслом.

Из карты мира она вытаскивает одну из булавок, зажимает ее губами и двумя пальцами легко проводит по тому месту на карте, что проскользнуло в ее мысли, пока она лежала на софе: Тумбако! И маленький мальчик.

Позади хижины, в которой недолгое время жила бабушка, стояло дерево авокадо, густо облепленное стайками колибри. Его тяжелые плоды укладывали ветви прямо на землю.

Птицы, переливаясь на свету разными цветами, создавали вокруг дерева красивое сияние.

Плоды должны дозревать в ящике, в темноте, завернутые в газетную бумагу — сказал индеец. — Их срывают, пока они еще твердые.

Он засмеялся и покосился на маленького, костлявого мальчика, который быстро протянул руку, чтобы сорвать с дерева плод. Взгляд индейца крепко впился в маленькую мальчишескую коленку, и улыбка исчезла с его лица.

Соседний участок забили сорняки, а среди них гнил его желтый пес. Он отзывался на кличку Надито, — сказал индеец, — что значило ровным счетом: мелкое ничтожество.

Одним прекрасным днем она застала желтого пса, который вечно пугал ее, пока она шла к автобусной остановке, чтобы ехать в университет, лежавшим на обочине дороги тихо и мирно. На асфальте темнело пятно, а труп кто-то зашвырнул в траву.

Бабушка на мгновение застыла и пропустила свой автобус. То, что она чувствовала, ни в коем случае не было облегчением.

На злонравие желтого пса можно было положиться, оно было стабильным. С этого момента бабушка стала скучать по псу, потому что связанный с ним страх не исчез, он лишь потерял цель.

Индеец оттащил Надито за задние лапы на свой участок, где и бросил его догнивать.

Стремительное наступление ночи в этом краю каждый раз заново пугало бабушку. Как ненасытная глотка, внезапно обрушивалась темнота и поглощала все. Когда приходила ночь, хорошо было находиться дома.

Будучи женщиной, — говорит бабушка, — лучше сидеть дома, иначе рискуешь быть выплюнутой в каком-нибудь переулке, будучи шлюхой.

Когда фрау доктор отправляется за границу, то бабушка вместе с Малышкой может ее сопровождать и на протяжении целого дня совсем не думать о дедушке.

Всё дешевле с той стороны границы, мясо, сыры и масло, люди разговаривают на другом языке, и там есть бордели.

Трубочист тоже раз в месяц бывает за границей. Его жена говорит, что он там занимается делами, еще какими, могу себе представить, — говорит фрау доктор, отпускает руль, стучит себя ладонью по лбу и трясет головой так, что щеки дрожат.

Девочкам нельзя в бордель, и мальчикам тоже. Только когда вырастут.

Пастору туда тоже нельзя. Он против борделей, однако фрау доктор считает, что, не будь пастор пастором, то вполне.

В деревне тоже есть одна *такая*, — говорит она, — но эта живет на большой площади, где каждого, кто входит и выходит, хорошо видно — даже когда темно. Поэтому мужчины предпочитают за границей. Там они *анонимны*, — говорит фрау доктор.

Окошки, выходящие на площадь, действительно имеют глаза и уши, а тяжелая деревянная дверь визжит как поросенок, когда его за хвост тянут крутой улочкой на бойню.

На крутой улочке живет парикмахер, который также частенько отправляется за границу, он даже прихватывает с собой дочку, а иной раз и ее маленькую подружку, Малышку, чтобы дочка не скучала, ожидая его в ресторане за тарелкой с клецками или кайзершмаррном.

Дочка с крутой улочки понятия не имеет, зачем ее отец бывает за границей. Она заранее радуется клецкам, кайзершмаррну, когда вместе с подружкой садится в отцовскую машину.

Она прелестна, эта девчушка, — говорит фрау доктор, — только жаль, что у нее такие же кривые ноги, как у матери, не удивительно, что ее старик бывает за границей.

Когда парикмахер с дочкой и Малышкой бывает за границей, он рассказывает им о прежних днях и о лошадях, и какой зверский мороз случался в те дни, и как мужчинам приходилось заворачивать своего доброго друга в газету, чтобы он не отмерз за долгие часы, проведенные в седле.

Малышка слушает внимательно, она души в нем не чает — из-за его носа, напоминающего ей о козе.

Однажды, когда коза, у которой нет колокольчика, вновь прошла мимо Малышки, та закрыла глаза и представила себе, будто это парикмахер. Она вновь пожелала доброго дня, и коза обернулась, будто была парикмахером. А потом раздалось тап-тап-тап, и коза с парикмахерским лицом двинулась дальше.

Однако трубочист не ходит в бордели. С ним дело обстоит иначе. Он не любит женщин.

Он же *извращенец*, — говорит фрау доктор.

Каждый вечер трубочист покупает в «Альпенрозе» свою пачку *Gauloises bleues*, выпивает за стойкой бокал красного вина и немного болтает с кельнершей Клаудией. Она-то понимает, что ему иной раз нужно за границу.

Над рестораном в «Альпенрозе» есть комната с тонкой деревянной стеной.

Люция, девочка из «Альпенрозе», которая в школе сидит рядом с Малышкой, хотя и старше ее на три года, регулярно смотрит сквозь отверстие от сучка в стене и сообщает Малышке, когда *интересно*. Тогда девочки тихо стоят в темном коридоре, так, чтобы раздетые люди не пугались в своей наготе. Мужчина и женщина бегают друг за другом по комнате и хихикают, или же елозят друг на друге и пыхтят.

Это они трахаются, — говорит девочка из «Альпенрозе». — Все взрослые трахаются, а трубочист, которые не любит женщин, трахает мужчин.

Иногда девочка из «Альпенрозе» берет с собой Малышку в свою маленькую церковь посреди большого сада с фруктовыми деревьями в нижней части деревни.

Люция сочувствует Малышке, которая не может воровать мирабель из церковного сада. Сама-то она может, ведь после ей достаточно исповедаться, и все будет прощено.

Поэтому гораздо лучше быть католичкой, — говорит Люция, и Малышка задумывается. В маленькой католической церкви так хорошо пахнет.

Обе девочки стоят в сумеречном свете церковного притвора, Люция показывает Малышке, как надо креститься. Священник в просторной коричневой рясе подходит к ним, улыбается и достает из своего глубокого кармана два красных яблока. Он трет их о рясу, пока не заблестят. Ему пока неизвестно, что Люция и Малышка уже воровали его мирабель.

С Люцией из «Альпенрозе» Малышке никогда не скучно. Позади церкви, между деревьями, прячется курятник священника со скучно квохчущими клушами и черным петухом, который ходит точь-в-точь как учитель старших классов.

Однажды Люция притащила в курятник бутылку шнапса и пропитала шнапсом хлебный мякиш от школьного завтрака. Вместе с Малышкой они угостили петуха влажными катышками, которые он с жадностью склевал. После этого он держался на ногах так же нетвердо, как Казимир, когда ему случалось заложить за галстук, не вовремя кукарекал, кудахтал и даже квохтал как курица — что полностью вывело кур из равновесия и на несколько дней лишило их способности нести яйца.

Малышка же хихикала и смеялась, весьма громко, и никак не могла перестать смеяться — и весьма неожиданно от этого смеха она переключилась на рыдания, и тогда Люция широко открыла глаза и сказала, что все не так уж и плохо, и что завтра петух снова станет нормальным.

Бабушка никогда не заходит в «Альпенрозе». Это территория мужчин, — говорит она Малышке, сидящей за кухонным столом, с собранным ранцем у ног, в ожидании горячего кофе с молоком.

Прошлой ночью, однако, бабушке приснилось, что она разгуливает по деревне и неожиданно оказывается перед «Альпенрозе». Была ночь, небо испещрено месяцем и звездами, вся деревня спала.

Бабушка вошла внутрь. Я была там как дома, — говорит она. Она открыла дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен» и поднялась на второй этаж. Сквозь открытое окно были слышны гул и рокот.

«Альпенрозе» это остров, — пронеслось в голове у бабушки, — островок посреди ревушей реки.

Стоило мне вступить в комнату, — говорит бабушка, — как предыдущая оказывалась стертой с лица земли. Исчезала в ночи. Не было никакого назад, никаких вправо-влево, только вперед, с ревушей рекой на финише, глобоко внизу, в сияющих гребнях пены.

В каком-то здании на противоположном берегу реки на балкон неожиданно выскочил Чан. Там на ветру сушилось множество одежды, а в одном из окон пучилась занавеска. Вот только Чан был сейчас волком, — говорит бабушка, — такая вот прекрасная патовая ситуация.

Я не могла ничего поделать.

Стены последнего помещения были до потолка заставлены книгами, из которых трусились слова. Из желтого плюшевого дивана посреди комнаты лез конский волос.

Чан, что сейчас был волком, присел перед прыжком. Выпрямился и приземлился прямо на оконный парапет с

моей стороны, затем, дружелюбно помахивая хвостом, зашел в комнату и улегся передо мной на диване.

И я подумала: сейчас я нашла свое место.

Словно я всю жизнь хотела попасть именно сюда, чтобы дремать рядом с Чаном, моим волком, на потрепанном плюшевом диване в дальней комнате «Альпенрозе».

Лунный свет вылепил в комнате тень, которая напоминала машущую кому-то руку. Тогда, словно приняв этот знак, мой волк спрыгнул с дивана и принялся молотить хвостом по паркету.

Комнату заполняли всё новые и новые вещи. Это были вещи давно прошедших времен, и они выпадали из книг и из щелей всякий раз, когда Чан ударял об пол своим хвостом.

В углу из ночного мрака сооткался ребенок и, сидя на корточках, подавал знаки. Приятным в нем было одно лишь светло-зеленое шелковое платье с прозрачной вышивкой на груди.

Понятия не имею, кто это был — говорит бабушка, — и наливает в чашку молоко.

Уже с раннего утра на небе собираются облака. Одно особенно большое облако похоже на медведя, который лежит на спине и вытягивает лапы вверх, как будто хочет о чем-то попросить. Это не большая медведица из семи звезд, это молодой жизнерадостный мишка со светло-серым мехом, он медленно сучит лапами как при демонстрации рапидной съемки, и тут его слизывает пена других облаков.

Затем начинается дождь, поднимается сильный ветер и хлещет в стену. В подобные дни дом угнетает бабушку и Малышку своим невозмутимым уютом.

По счастью, как это случается по воскресным полдням, заглядывает Эльза. Трещит без умолку, с пятого на десятое, и день приобретает краски.

Вперед меня шел мужчина с сумкой. В сумке лежала книга, батон хлеба и два цветка. Мужчина остановился на мосту и стал смотреть вниз на реку.

Такие истории рассказывает Эльза.

Ее любимая история, история про Тревита, произошла однажды на одном из дальних островов.

Пока ее подружки купалась в море, Эльза, которая в то время еще не жила в желтом доме и боялась воды, осталась одна в укромной бухте. Она лежала на спине с обнаженной грудью и смотрела в небо. Плавая в собственных мыслях, она заметила этого мужчину в самый последний момент. А он не упустил шанса, заговорил на языке, которого Эльза не понимала, за исключением редких французских обрывков, и всё приближался, а когда Эльза вскочила, ткнула пальцем в сторону моря и

сказала по-французски, что ее подруги сейчас вернутся, он в страшном возбуждении прошептал: *Très vite, быстро, тре вит!*

Mais je n'aime pas très vite, я не люблю тре вит, — топнув ногой, моментально отбрила его Эльза. С открытым ртом он застыл, ощупал глазами Эльзу, прикрывавшую ладонями свои груди, сверху донизу, и, смутившись, исчез за косогором.

Это его убедило, — говорит Эльза.

Подобно бабушкиным историям, истории Эльзы тоже могут заканчиваться да и начинаться по-разному. Другие острова, море меняет свой цвет, а мужчина оказывается то греческим крестьянином, то туристом из Аппенцелля, то спортсменом из Парижа. Но зовут его обязательно Тревит и говорит он на ломаном французском.

Расскажи-ка еще раз о Тревите, — говорит бабушка, с нетерпением ожидая свежедобавленных Эльзой поворотов сюжета.

Когда же Эльза не *dans son assiette*, она говорит: Нет-нет, сегодня без Тревита!

После авантюры с Тревитом она решила освежить свой школьный французский и собирает всякие фразы и обороты, которыми уснащает общение. Всё это благодаря Тревиту.

Конец языка за проводника, — говорит она, — а такие фразы всегда и везде могут пригодиться.

При виде Тревита ее может охватить *une peur bleue, голубой страх*, а иногда со слезами на глазах она жалуется на Элвиса: *Il court les filles,* — рыдает она, — *он волочитса за юбками*, для него на мне свет клином не сошелся, а для меня это *la fin des haricots, туши свет*. Часто витая *dans la lune*, обо всем, что кажется сложным, она говорит: Боже мой, не такое уж это *la mer à boire!*

Эльза болтает и болтает, Малышка разглядывает форель, чей хвост свешивается с правого края ее тарелки, и размышляет, должна ли она, а если да, то каким образом использовать нож. Ей нравится, когда форель варят с уксусом — тогда ее брюшко остается серебристо-голубоватым. А лучше всего в форели *щечки*, ей и в этот раз достаются щечки от Эльзы и бабушки, ведь у нее самой такие нежные, круглые щечки. Пока Эльза и бабушка переправляют своими вилками нежные, круглые форельи щечки Малышке в тарелку, Эльза продолжает трещать без умолку.

У Эльзы во рту недостает резца. Из-за щербини между зубов Малышка забывает следить за ее словами, но тут что-то в сказанном Эльзой отвлекает ее от отсутствующего резца. Вчера Эльза сварила на плите свои зеленые брюки из ацетатного шелка.

Пока Малышка был занята форелью и отсутствующим резцом, она упустила собственно «почему», а сейчас Эльза уже продолжает: Половником я выудила свои брюки из кипящей воды, жесткие, как доска. Теперь они сами собой стоят на комодке, вертикально, без каких-либо подпорок, так они затвердели в моей скороварке. Памятная вещь. Просто сувенир какой-то, — говорит она в полном упоении.

Должна быть причина, по которой Эльза их сварила. Крупное пятно? Быть может, они запачкались во время еды, потому что время и земное притяжение в очередной раз застали ее *на седьмом небе dans les nuages*, когда она держала в ладонях тающую малину? Или у нее в парке было свидание, о котором Элвис ничего не должен был знать, поскольку эти брюки были его подарком?

Многие вещи, к счастью, можно отстирать или оттереть, — говорит Эльза сейчас.

Да, — говорит бабушка, — но виолончель не поместится в скороварку. Она вздыхает и закрывает глаза.

Воспоминания обычно далеки от правды, но они делают счастливыми, — говорит она, — при условии, что время от времени кое-что удастся отстирывать. Или оттирать. Это полезно.

У каждого из нас много сторон, — говорит бабушка, когда Эльза уже ушла, — одна из них то и дело норовит перейти границу, оттого я испытываю слабость к Эльзе.

Она изумительная пройдоха на свой невинный лад, — говорит бабушка.

Бабушка нацепляет на нос свои очки и берет со стола оставленное Эльзой приглашение.

Финансовые дела Эльзы, в общем, неплохи, и, не будь Элвиса, они шли бы еще лучше.

Каждый год в день своего рождения она приглашает бабушку и Малышку на *шикарную* трапезу в самый дорогой ресторан деревни, в «Сольданеллу». Только там подают лобстера, а Эльза просто обязана раз в году отведать лобстера, хоть это неразумно и не в ее стиле.

Что ни год она задает меняющимся официантам все тот же вопрос:

И кто у нас нынче, самец или самка?

У юных официантов открываются рты. Используя секундное замешательство до конца, Эльза добавляет:

В принципе, я поедаю одних самцов, они легче перевариваются.

Малышка хихикает, юный кельнер выдавливает улыбку, будто у него что-то болит. Беседа с гостями о половой принадлежности и переваривании лобстеров ему непривычна.

Он не слишком-то искушен в своем ремесле, — говорит Эльзе бабушка, когда официант отправляется за уточнениями.

Такая широкая задняя часть может быть только у самки, — говорит Эльза, — это сразу видно. В глазах пляшут чертики. И прежде чем вернувшийся официант успевает раскрыть рот, она говорит:

Да, я знаю, но мы решили ее съесть.

В самый первый раз бабушка ела омара вместе с дедушкой: во время их медового месяца в Венеции, в крохотном

ресторане с видом на канал дельта Джудекка, неподалеку от Фондамента дельи Инкурабили. Поверхность лагуны переливалась, словно была затянута в чешую обитавшей здесь форели, и корабли, что гусеницы, плавно ползли по воде, а между тем у них обоих перехватывало дыхание от этой расточительной совместной жизни.

Шли дни, а они по-прежнему задыхались от восторга, даже когда уже возвратились домой.

О, эти годы! Взаимное притяжение, окутывавшее их с дедушкой и уносившее из повседневности. Вот о чем, вероятнее всего, думает бабушка, когда приступает к работе:

Вытянув шею, она берет омара в одну руку, а другой рукой откручивает ему хвост.

Тушка невкусная, — говорит она и кладет ее на специальную тарелку, — лучшее мясо в хвосте. А также в клешнях и ножках.

Щипцами для омара она разламывает клешни и сильными пальцами разрывает в суставах его ножки надвое.

Эльза на подхвате, она выскребает мясо из панциря и раскладывает по тарелкам.

В то время я даже не спрашивала себя, — говорит бабушка, — что это значит: *Фондамента дельи Инкурабили*, набережная Неисцелимых.

Вниз по течению реки был большой валун, прозванный «Слоном», круглый, с обращенным сверху светлым брюхом. По косогору стелился лисохвост, вытягивая свои метелки по направлению к воде, еще дальше на берегу живая изгородь, сквозь темные стволы деревьев просвечивал барбарис.

Стояло позднее лето. В дрожащей жаре беззвучно ушлывала его красота.

На Слоне восседал дедушка, в ухе у него гудело.

Тень плотного облака внезапно накрыла косогор, где пес ожесточенно тыкался мордой в землю, чтобы набить себе пасть холодной крысой, от которой во все стороны прыскали мухи.

Малышка карабкалась наверх к дедушке. Какое-то время они вместе молчали, глядя на воду, на удочку, на поплавок. До сих пор ни одна рыба не клевала. Слон был заколдованным местом, которое время от времени полагалось посещать, пусть и не по собственной воле.

Время от времени тут отворялась бездна, дыра, которая с каждым мгновением становилась все больше, расширялась все глубже, и было очевидно: если никто не прыгнет туда и не заткнет дыру, она может поглотить всех.

Вот и сегодня не пришлось долго ждать, вода показала ей то, что должна была.

Тихий и маленький, делаясь все меньше и меньше, по искрящейся реке ушлывал младший брат, пока не превратился в пятнышко, пока его и на этот раз не забрала волна.

И, как обычно, сердце Малышки отозвалось барабанной дробью.

Дедушка поймал форель.

Малышка молниеносно сползла по Слону вниз, чтобы укрыться от бездны и от барахтающейся рыбы. Но и берег был отнюдь не безопасной территорией.

Лужа под лежащей ольхой пересохла, лягушки онемели, однако уши Малышки все еще были наполнены громким кваканьем. Она заткнула уши и быстро побежала по направлению к дому.

Еще совсем рано, летнее утро, бабушка достает кофе из кухонного шкафа. Ее одолевает тоска по снегу.

Эти славные снегопады, — ей нравится их иная тишина.

Когда она просыпается утром, слишком рано, потому что не был продуман до конца вчерашний день, ей хочется, чтобы шел снег.

Сегодня нам нужно к портнихе, — говорит она Малышке, — так будь добра, сразу после школы иди домой.

Крокодил, — говорит Малышка, корча рожицы.

Тш-ш-ш, — шипит бабушка, хватая Малышку за руку и тычет ей в лицо своим шершавым пальцем, сперва в левый, а затем в правый уголок рта, размазывая таким образом варенье до самых мочек ушей. Называется: умыться.

Но ты права, — говорит она Малышке, — у портнихи крокодильи глаза. Каждый раз, когда я ее вижу, приходят на ум крокодилы. Как оно на меня зыркнуло, чудовище! Помню, где-то на Кубе была тихая заводь за постоянным двором, вот в ней-то он и затаился. И вдруг неожиданно-негаданно хлюп тяжелым мокрым тюком на берег! Этакие глазки себе на уме.

Ты, когда злишься, строишь похожие глазки, — говорит Малышка.

У нее каждый раз такое чувство, что она стоит голой, когда портниха достает сантиметр, чтобы снять мерку,

Зато от меня не несет крокодилом, — смеясь, говорит бабушка.

Кто еще перешьет старые рубашки на блузки и такие милые платья для Малышки?

Не так это просто, ускользнуть от бабушки. Кожа Малышки вся в отметилах, оставленных ее наждачными пальцами.

Беря за руку Малышку, чтобы доставить ее в надлежащее место, куда той вовсе не хочется, бабушка нажимает большим пальцем на внутреннюю поверхность предплечья и водит им туда-сюда, принаравливаясь к пульсу Малышки. Или наоборот? Сердце стучит оттого, что бабушкин палец заставляет его стучать? Малышка вырвалась бы, но ей не хватает решимости. Сердце может остановиться. Бабушка в ее сердце, она угнездилась там и толкает стенки сердечных камер своим жестким большим пальцем.

В такие минуты Малышка ненавидит бабушку, причем без каких-либо угрызений совести. Бабушке знакома ненависть. Это чувство, — говорит она, — которое согревает лучше огня. Ей непонятно, отчего у ненависти дурная слава. Ненависть обостряет ум, улучшает кровообращение и вообще она полезна. Бабушка обожает порассуждать о ненависти. Кем человек был бы без ненависти! — говорит она. — Существом, не питающим надежд на лучшее, довольным собой и жизнью. Не способным ни любить, ни страдать. Ни искусства, ни книг, ни споров не существовало бы, ни доброго жаркого, ни милосердия, никакой войны и никакого мира. Одна гармония.

Бог мой, — говорит она, — можно ли вообразить себе более скучный мир? Гармония ведет к лени и тупости! В щепотке ненависти соль жизни! Молочные реки в кисельных берегах от нас никуда не утекут. Кто знает, может это только другое название для пекла, — говорит она, светлея лицом. Она позволяет себе эту роскошь, шепотку ненависти.

Поэтому Малышка не испытывает угрызений совести, когда ненавидит, и чистая ненависть согревает ее.

Впрочем, лишь значительные люди и вещи заслуживают ненависти, — говорит бабушка, — ненавидеть мелочевку не стоит свеч. Поэтому Малышка старается обойтись без ненависти к соседке, она просто глядит ей в лицо, будто в упор не видя, и не отвечает. На это соседка может лишь слащаво улыбаться, чтобы потом жаловаться бабушке на *закоренелость* Малышки.

Соседка из тех людей, что никогда не имеют в виду того, что говорят. Она так цепляется за лицо жизни, — говорит бабушка, — будто с изнанки ее поджидает пропасть. Двое детей, а такое впечатление, что она мужского духу ни разу не нюхала.

Но бабушке нужна голая правда, и своей душе она в этом смысле полностью доверяет.

Отчего у соседки горб? — спрашивает Малышка.

Оттого, — говорит бабушка, — что сердце у нее из груди перебралось на затылок, и теперь она такая бессердечная.

С вороной всё по-другому. Они с бабушкой родственницы, седьмая вода на киселе, и по отношению к ней Малышке разрешается щепотка ненависти. Прежде ворона частенько заявлялась сюда и часами занимала дедушку своими историями про убийства.

Из года в год она носит черные платья и проживает в ржаво-красном доме за деревней, но только летом. Зимой она улетает в Италию, где у нее есть доля в одной пекарне.

Ворону, оказывается, преследуют. Убийцы спускаются через чердак, и она всегда начеку, в доме и около, чтобы изверги ее не схватили. После того, как она вновь попала в руки к убийцам, ей приходилось часто навещать в городскую больницу, а потом к дедушке, чтобы он ее утешил.

Теперь она больше не появляется, ведь дедушка теперь в Тамангуре, а бабушке не доставляет радости утешать ворону.

По-настоящему они ее так ни разу и не схватили, но причиняли мучения, как и учительнице музыки, что приехала из России и живет в том же доме. В России Сибирь, и люди там мерзнут в течение целого года. И вместо «сердце стучит» они говорят «сердце молотит как Калашников».

Если кто-нибудь присел там на скамейку, он должен быстро встать и идти дальше, иначе примерзнет и станет сосулькой. В деревне тоже, кстати, бывает очень холодно.

Однажды у кошки, которая слишком долго подкармливала мышь, хвост примерз к земле, и кошка закричала, как кричал младший брат, когда хотел есть. А теперь у кошки осталась лишь половина хвоста.

Две недели занятий с учительницей музыки были потеряны из-за того, что убийцы почти схватили ее на лестничной клетке за длинные тонкие косы, которыми она несколько раз оплетает голову. Когда учительница вернулась, лучше не стало.

Она бьет Малышку линейкой по пальцам, когда Малышка не попадает по правильной клавише, зато когда на уроке она покрывает ногти красным лаком в непосредственной близости от высоких нот, Малышка специально берет фальшивую ноту, чтобы ее позлить. Лак на ногтях еще не высох, учительница растопыривает пальцы, вытянув губы, изо всех сил дует на ногти, но прежде чем она вновь схватит линейку, Малышка ударяет по правильной клавише и делает невинное лицо, так что у учительницы нет больше оснований лупить ее линейкой по пальцам.

В ходе множества малых и больших войн с бабушкой Малышка отлично научилась делать в нужный момент невинное лицо.

Портниха принесла бабушке подарок в честь дня рождения. Это брошюрка, купленная ею в привокзальном киоске.

Ты ведь любишь читать книги, — говорит она. — *Красавица из Амальфи*, такая красивая история, — говорит портниха, и из ее крокодильих глаз выстреливает маленькая молния. — Но это не для Малышки, ты понимаешь.

Ладно, ладно, — говорит бабушка, а Малышка делает невинное лицо.

Земля является шаром, так учат Малышку в школе. Ей понятно, о чем речь, когда Эльза говорит, что чувствует, как вертится земля. Днем она этого до сих пор не замечала, но вечером, лежа в кровати, пока бабушка в соседней комнате смотрит по телевизору детектив, ей кажется, что кровать совсем чуть-чуть наклонилась к окну, и удивительно, что никто не упал с этой кровати на земной шар.

Для безопасности она крепко сжимает книжку в руке и немного пролистывает.

Слуга в белых перчатках впустил красавицу из Амальфи в замок и теперь, в полном одиночестве, она ждет, сидя за маленьким столиком в огромном, высоком, почти пустом зале. Женщина прекрасна как кинозвезда и носит меховую шубу, как Эльза. Она неотрывно глядит на дверь в левом углу. Вдруг слышатся шаги, дверь открывается, шуба медленно сползает на пол, и красавица из Амальфи уже стоит в чем мать родила во всей своей красе. А на пороге стоит принц.

В этот момент в комнату заглядывает бабушка, велит спать спокойно и выключает свет.

Наутро Малышка просыпается в своей постели рядом с бабушкой. Вроде всё как всегда. Однако: ночью красавица из Амальфи удрала в неизвестном направлении. Книги нигде нет.

Эльза чувствует массу вещей, о которых другие люди не имеют понятия. У нее странные желания, другим людям даже не приходящие в голову.

Весной, например, она желает просидеть как-нибудь целые сутки на лугу, чтобы *увидеть*, как растет трава.

Но Элвис и голод не дают этого сделать.

То, о чем люди думают и что они себе представляют, часто важнее того, что творится у них под носом, — сказала раз бабушка.

И Эльза может представить себе, как растет трава. Однако она хочет *видеть* своими глазами.

Возможно, — говорит она, — трава, растя, издает шорох, и Малышка представляет себе, как трава шепчет, шуршит и шушукается или даже иногда шипит, когда ей нужно пробиваться силой сквозь жесткий дерн.

Эльза не боится оставаться одна.

Мне никогда не скучно, я сама себе компания. И мы отлично сработались.

Портниха крадет воспоминания как бы между прочим. Большие и маленькие, без разбора. Делает это мимоходом, пока прикладывает сантиметр к талии или к бедрам и фиксирует размеры в записной книжечке.

Она воришка незаметная, коварная, — говорит бабушка.

День или неделю спустя она случайно встречается портниху, которая как ни в чем не бывало пересказывает краденые воспоминания, словно они принадлежали ей всегда.

Собственно говоря, она ничего не может с этим поделать, — говорит бабушка. — Это как судьба. Все подряд пристаёт к ее серой губке, а рот должен освободить ее от этого. Чужого-то ей не нужно.

В ее сером веществе много разных Я, есть там немного и от бабушкиного Я. Похоже на то, как если бы бабушкины слова, будто блохи, прыгали напрямик в голову портнихи.

К примеру, Надито, желтый пес из Тумбако, вот так перепрыгнул из бабушкиной головы в голову к портнихе, и нынче шатается по окраинам вокруг деревни, пугая портниху, идущую из лесу домой с корзинкой грибов.

У бабушки от возмущения спирает дыхание. Деревня чистой воды сумасшедший дом, — говорит она и ловит ртом воздух, пахнувший кровосмешением и чучем.

Малышке известно, что чуч — это маленький марлевый мешочек, наполненный хлебным мякишем и выдержанный в шнапсе. Его засовывают младенцу в рот, и тот может спать спокойно, как ангелочек.

Портниха как губка, — говорит бабушка, — впитывает в себя чужую жизнь, а когда губка насыщена так, что

с нее уже каплет, то выпускает мутную водичку в подходящем местечке.

Бабушка всегда отдает должное разуму. Но чтобы досконально понимать вещи, человеку обязательно нужен нос.

Малышка дотрагивается до своего носа, чтобы проверить, на месте ли он.

Нет, — говорит бабушка, — я не это имею в виду. Не только это. Все твоё тело должно быть своего рода носом, оно должно читать следы как охотник. Оно должно чувствовать, где и как растёт трава...

Как Эльза? — спрашивает Малышка и ещё раз трогает свой нос.

Она гордится своим носом.

Во время поездок в город бабушка с треском срывает покрывало с застеленной кровати в гостиничном номере, Малышка без слов пригибается к ней так, чтобы нос почти коснулся простыни, а когда она выпрямляется, бабушка уже знает, распаковывать им багаж или нет.

Сейчас она грозит пальцем, прихватывает нижней губой верхнюю, цепляет сумку и наступательно движется к дверям с Малышкой в арьергарде.

Белье не стирают. Только пропущено через гладильный каток, — говорит она на ресепшен и сразу же получает следующий ключ. От чужих запахов и перхоти у бабушки высыпает гусиная кожа. Уж лучше она будет спать на голом полу. Посреди чужих запахов и перхоти невозможно видеть сны про дедушку.

В новом номере простыни выстираны, сообщает нос Малышки.

Бабушка ставит дорожную сумку возле окна, к батарее отопления, а сумку с сыром и колбасами возле входной двери, где чувствуется небольшой сквознячок. Так

мы не будем завтра пахнуть словно два камамбера, — говорит она.

Больше всего она любит французский камамбер. Поэтому она частенько ездит с Малышкой в город по ту сторону границы. В деревне есть только три сорта сыра из трех разных частей Альп, а на этом бабушке не прожить.

На накрытом у них дома столе сыр выглядит почти так же, как в магазине, где сегодня они купили много кусков сыра, и с коричневой коркой, и с клейкой красной, и в белой, с пушистой плесенью шкурке.

Ночами в гостинице бабушка спит особенно беспокойно. Она сама не знает почему, не знает, кто или что посещает ее или подселается к ней в такие ночи, после напряженного похода по городским магазинам в поисках различного продовольствия. Она ворочается, мечется туда-сюда, при этом храпит будто черт, рыкающий от злости, когда кто-либо благополучно минует яму, которую черт для него выкопал.

Рыкает черт или нет, когда его распирает от злости, Малышка не знает точно, однако католическая подружка из «Альпенрозе» показала Малышке картинку с чертом, и на ней он выглядел вполне способным рыкать как агрессивная собака.

Над сумкой с сырами висит на вешалке маленькая шубка из белого кроличьего меха. Собственное черное пальто бабушка отвесила куда подальше. Белый кроличий волос все равно что чума для пожилой дамы, одетой в черное. В поезде Малышка может устраиваться рядом с бабушкой не раньше, нежели белая шубка будет отправлена на багажную полку.

В общем-то бабушка любит кроликов и охотно рассказывает о них, тем более, что она в них разбирается, она много лет разводила этих зверушек в саду, сворачивая им шеи, когда сильно тянуло на их нежное мясо. Она хорошо

знала своих кроликов, их уши, мордочки с дрожащими усиками вокруг ноздрей, она говорит и говорит, пока у Малышки все тело не начинает зудеть от стольких дрожащих усиков.

Теперь в их саду больше нет ни одного кролика. Теперь Малышка носит кроликов на себе, когда приходит зима.

Бабушка говорит: люди, едва они погасят лампы на прикроватных тумбочках, ведут себя что твои кролики. У старой Катрины из соседней деревни было девятеро детей. Самого младшего она произвела на свет в поле между картофельными бороздами и в фартуке притащила домой.

В это время года, — рассказывала Малышке бабушка, — Орион карабкается по левому склону горы вверх, до самой вершины. Там расправляет он свои черные крыла и летит прочь.

Прежде чем бабушка начнет храпеть, она обильно зевает с закрытыми глазами, как кошка. После зевания глаза ее на краткий миг кажутся в свете уличного фонаря, что светит сквозь занавеску, еще больше, чем за привычными стеклами очков, но вскоре она уже засыпает и мурчит.

На следующий день в городе, в кафе, кроме бабушки и Малышки, сидят двое *квелых мужчин*, уткнувшись в свои газеты. Бабушка нуждается в кофе и передышке между покупками, ей нужно пройтись еще раз по закупочному списку.

Один мужчина складывает газету и подходит к ней.

Прощу прощения, — говорит он, — у меня тоже Альцгеймер. Я поступаю точно так же, как и Вы, я должен все записывать, чтобы найти дорогу домой. — Удачи, — говорит ему бабушка с дружеской улыбкой.

На обратной дороге из города по центральному проходу вагона мимо Малышки и бабушки быстро проходит вперед человек. Он в черной одежде, у него черная куртка с капюшоном и длинный и тяжелый черный рюкзак, свисающий до середины бедра. Из рюкзака в небо торчит огромный букет из фазаньих перьев.

Гляди-ка, — говорит бабушка, — человек распускает хвост. Стало быть, мужчина.

При слове *мужчина* она на мгновение прикрывает глаза и вдруг неожиданно спрашивает:

Что уходит, когда человек умирает? Часть того, что он сделал, тоже уходит?

На блошином рынке деревянная корова, вырезанная дедушкой и лежащая сейчас на коленях у Малышки, вряд ли бросалась бы в глаза. Возможно, кто-нибудь и купил бы ее за пару грошей другому малышу, и рано или поздно эта корова добралась бы до помойки и потеряла бы всякую ценность.

Но корова сделана не только из дерева. Она привязана к дедушке цепочкой. Она до тех пор остается настоящей коровой, пока Малышка играет с ней.

На что это будет похоже? — спрашивает бабушка. Она невольно говорит вслух.

Что? — спрашивает Малышка.

Тамангур зимой, — говорит бабушка и вглядывается в кутерьму снежинок за окном поезда.

Она всегда была рядом, даже если он без нее шел на охоту. Она безо всяких слов знала, куда он пришел, где он присел на скалистом берегу, как он развернул вощеную бумагу, чтобы достать еду, она знала приливы и отливы его дыхания, когда он ночевал в охотничьей хижине. Она легко могла входит в его сон, чувствовать расстояние между ним и собой, она знала, когда его шаги приближаются к ней, сколь бы тихо он ни старался ступить.

В один из дней бабьего лета бабушка выглядела так, как будто провела не один час, лежа позади дома в шезлонге, чтобы насквозь пропитаться светом. Тень дедушки упала на нее словно из ниоткуда, и он сказал: Ты лежишь как сытый удав.

Нет, — сказала она, — сегодня я потратила много времени на то, чтобы пустить мурашек в моей голове по верным тропам.

То есть, ты ленилась, — сказал дедушка.

Он смеется и треплет собаку по спине своей большой ладонью. Бабушка передергивает плечами и ежится, как будто ей, закутанной в этот ее свет, вдруг становится зябко. Ножки шезлонга под ее тяжестью впились глубоко в землю. Узел бабушкиных волос вновь распустился, волосы рассыпались и свисают по обеим сторонам шезлонга.

Я твой магнит, — говорит она дедушке.

Или вечный звон у меня в ухе, — говорит он и идет в дом.

Бабушка выбралась из шезлонга и пошла вслед за дедушкой. Чан медленно трусил позади.

Игрушечные коровы кажутся приклеенными к дальнему склону. Облака, одно, другое срезают вершины гор.

Внизу по дороге проходит мимо учитель, на нем надето дедушкино пальто.

Бабушка закрывает окно и с треском задергивает шторы. День за стенами дома теряется в вечерних сумерках.

Только что ушла соседка.

Из-за нее сегодня все пропитано чуждым запахом.

Эта ее вечно унылая задница, — говорит бабушка.

Соседка вволю поехала бабушке по ушам.

Она прожужжала мне все уши побоями, которые терпит от собственного мужа, и снова претя к нему домой, чтобы он продолжил ее поколачивать.

Он-то уж точно чертом меченный, — не может успокоиться бабушка. — Душонка у него паршивая. Таковую надо бы выдрать из тела с корнем, как гнилой зуб.

Сама-то она не из деревни, — сказал раз соседкин муж, — оттого мне можно ее поколачивать, хоть и не слишком крепко. Она просто не знает деревенского обращения. У нее ведь нет тормозов, а в деревне так нельзя. Разве разрешено каждому делать, что ему вздумается, носить, к примеру, платье с огромными тюльпанами? Для узких улочек тюльпаны не годятся, — сказал он, — а для деревенской площади тем более. Они уже издали горят и прямо-таки просят колотушек.

Некоторое время бабушка сердита на соседку, что та прожужжала ей все уши полученными от мужа побоями. Когда она на кого-нибудь сердита, ей случается попросить Малышку сделать карандашный рисунок на вынутом

из дедушкиного письменного стола листке бумаги. Тогда Малышка может вязальной спицей проткнуть нарисованному человечку глаза и пупок, потом в самых болезненных местах разрезать листок на части и выбросить.

Чаще всего соседка приходит на следующий день с буханкой хлеба, в то время как бабушка собирается накрывать к ужину.

Вот, я испекла хлеб для тебя — говорит соседка, не поднимая взгляда.

Я знаю, — говорит бабушка и пододвигает ей стул.

Бабушка нарезает соседкин хлеб и колбасу толстыми ломтями, накальвает их на острие ножа и так отправляет в рот, попеременно то себе, то Малышке. Соседке пора уходить.

Прошлой ночью бабушке снова снилось:

Уже осень, цвета и краски постепенно облезают с гор. Скоро придет зима, и все знают, что с ее приходом дикие звери покидают свою реальность и приходят к домам людей. Они проникают в сады и отъедают там головы у подсолнухов. Оцепенело, будто чучела, они подолгу стоят перед загородкой с больным филином, уставившись в его красные глаза.

Дедушка, который нашел раненого филина в лесу, тоже стоит среди зверей с опущенными плечами. Часть правого крыла филина лежит в загородке на земле, сама по себе, на значительном расстоянии от птицы. Однако филин жив, а оттуда, где раньше было крыло, тянется вверх его рука. Это рука младшего брата.

Бабушка называла животное Сташиа, с ударением на «и». Пока дедушка еще не взял да и не удрал по-тихому в Тамангур, он каждый вечер, когда приносил птице корм, оглаживал ее вдоль перьев. Мне нравилось дотрагиваться до филина, — говорит бабушка. — так жалко, что птицу забрала лиса.

Этим утром, когда бабушка собралась постирать куртку Малышки, что-то выпало на пол из правого кармана куртки. Это что-то оказалось перочинным ножиком с именной биркой.

Бабушка, мечта гром и молнии, стоит перед Малышкой. Малышка не шелохнется, глядит бабушке прямо в глаза, надеясь, что бабушка поймет. Должна понять. Однако бабушка уже ничего не понимает, ее шипящее *Где ты это взяла?* гуляет эхом по углам комнаты, в которой неожиданно сделалось так тихо, что собственное дыхание звучит ураганным ветром.

Это лежало в песке, — говорит Малышка и опускает взгляд.

В песке... — повторяет бабушка.

Она без слов разворачивается и уходит.

В песке, — говорит Малышка, — это лежало в песке, оно блестело на солнце. Я только хотела быстро...

Некоторое время она стоит, будто окаменев, затем убегает в сад и прячется под сиреневым деревом.

Лишь к вечеру возвращается она в дом. За ужином обе хранят молчание, а ночью и бабушке, и Малышке снится один и тот же плохой сон, в котором важную роль играет имя Карло.

При своих одиннадцати братьях и сестрах Карло, сидевший в школе в последнем ряду сразу за Малышкой, был одинок. О нем никто не заботился. Он проводил время, играя во дворе с кошками, почти всегда был нездоров и всегда хотел есть. Нередко перед большой переменной Малышка слышала глухой звук. Карло лежал в обмороке.

Чтобы его мучнисто-белое лицо не маячило на уроке, учитель попросту выставлял его за дверь.

Занятия не интересовали Карло. Он играл со своим перочинным ножиком или же засыпал.

Однажды ему в голову швырнули мокрой тряпкой для вытирания доски, и липкая затхлая вода стекала по его лицу. Карло вонял.

На рисовании он как-то раз испещрил целый лист бумаги лицами, у которых не было ни ртов, ни носов, только по паре огромных глаз.

Река выбросила его труп на берег по ту сторону границы. Там, где река обвивает холм своим рукавом, перочинный ножик, должно быть, выпал в песок из брючного кармана. Прямо рядом с ботинками.

Всё, чему нет места в деревне, забирает себе река, — говорила бабушка, когда снова кто-нибудь пропадал без вести.

Как-то вечером, вскоре после того как дедушка взял да и удрал по-тихому в Тамангур, Малышка попросилась было спать с бабушкой, но та прогнала ее в гостиную на диван.

Когда же Малышка решила хищной кошкой прокрасться в спальню, в надежде, что бабушка уже, должно быть, спит, то сквозь дверную щель она увидела, как бабушка аккуратно примеряет свою голову к ложбинке на подушке, оставленной дедушкой в его последнюю ночь.

Внезапно бабушка начала, как бешеная, втыкать и вбивать голову в эту ямку, без остановки, со злостью, от которой Малышке сделалось страшно. Она разговаривала с ложбинкой, будто это был сам дедушка, а потом кулаками била по подушке, била бешено, что есть силы — потом внезапно успокоилась. И пока Малышка, оцепенев, старалась не дышать, бабушка начала жалобно скулить, до тех пор, покуда Малышка не положила ей на руку свою ладонь. Брось, — грубо одернула ее бабушка, — горе ты мое. Ложись уже!

Малышка поняла и мигом шмыгнула под одеяло. С тех пор она всегда спала на дедушкиной стороне.

Подушку вместе с прочим бельем на следующий день забрала соседка, время от время помогавшая бабушке по хозяйству, в качестве компенсации за то, что бабушка ее выслушивала.

Дедушка лежал в вольтеровском кресле. Глаза были закрыты, на носу у него сидела муха. Малышка приближалась бесшумно, ей хотелось устроить дедушке сюрприз. В минувшие выходные она собрала и высушила дедушкину щетину меж двух листков промокательной бумаги. Интересно, какую историю о ней он выдумает?

Дедушка спал. Встав к солнцу спиной, она сунула руку под одеяло, куда зарылась в сне ладонь дедушки. Дедушкина рука бессильно упала с кресла. Малышка уже знала, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Судорожно попыталась поймать глазами прямоугольник окна налево от комода. В окне, рядом с осыпанным мелкими плодами грушевым деревом, вздымалась ввысь изгородь, вплоть до самой полоски узких небес. Малышка смотрела вверх, как будто там, наверху, было все, чего только можно желать, хотя и не знала, что это и как выглядит.

Есть такие птицы, — говорит бабушка, — которые раз повстречались и сквозь годы поддерживают друг друга в полете. Всю жизнь они вместе, — говорит она, и у нее опять этот взгляд.

Затем она громко читает вслух отчеркнутое в книжке, немного переиначивая:

*Любимый спит мой глубоко;
Уж кость кораллом стала;
В глазах жемчужниц молоко.*

Небо было близким.

Бабушкин голос был отлично слышен издалека. Прижимая к груди плюшевого Казимира, Малышка сидела на суку, простертом над речным берегом. Уже смеркалось, поэтому береговые камни внизу холодно мерцали. Угловатая скальная зелень медленно оступалась в воду. Начинало крапывать.

Да где же ты? — крикнула бабушка в который раз, но Малышка не желала быть утешенной.

Она лишь разжала маленькую ладошку, которой из всех сил держалась за ветку, чтобы соскочить на землю и поймать маленького лягушонка. Затем осмотрелась по сторонам.

Глядите-ка, — хотелось сказать ей, — я его все-таки нашла! Короля-лягушонка! Я нашла его!

Но вокруг никого не было, берег пустовал. Журчала река, отовсюду наплывал стрекот кузнечиков, было лето.

Там, где река обвивала холм своим рукавом, лето было всегда.

По утрам я ощущаю себя высотным домом, — говорит Эльза, — с единственным парадным. Швейцар потягивается, зевает и отпирает.

А снаружи люди уже встали в очередь, все хотят попасть внутрь, вот только сделать это быстро никак не получается. Суматоха, толчея, теснота. Под их натиском небоскреб начинает ходить ходуном.

Сейчас девять часов утра, Эльза сидит у бабушки на кухне.

Мне совершенно необходим крепкий кофе.

Как было вчера в бассейне? — спрашивает бабушка.

Но Эльзе хочется поговорить о высотном доме.

Иногда мне кажется, — говорит она, — что в меня встроен лифт. К примеру, он тормозит на пятом этаже, я хочу выйти, но прежде чем двери откроются, кто-то — или что-то? — вызывает его на восьмой этаж, и лифт ездит вверх-вниз, без конца. Это требует сил.

А тут еще Элвис, которому вечно что-то от меня нужно. Элвис ненасытен, он чудовище, волк в овечьей шкуре — но что бы я без него делала! — говорит Эльза.

Бабушка разливает кофе по чашкам и присаживается.

Как было вчера в бассейне? — спрашивает она еще раз.

В купальне-лягушатнике, в самом левом уголке, качался мужчина на воде. А его длинные черные волосы расплзлись по воде щупальцами медузы, — говорит Эльза.

Старый доктор тоже там был, он тоже ходит раз в неделю на водные процедуры. Он выглядит так, будто всю жизнь ни с кем и ни с чем не был согласен.

Да? — спрашивает бабушка.

Если поехать с ним в его машине и начнется лес, там,

где он всегда начинался на этом участке дороги, доктор непременно скажет: Смотрите, лес! Как будто удивляется тому, что он по-прежнему здесь, лес-то. Как будто упрекает его, — говорит Эльза.

Сливочно-белыми были эти ушки в тот день, когда бабушка дарила его Малышке. А теперь черно-белый плюшевый кот — названный Казимиром в честь дедушкиного друга — выглядит так, словно выдержал множество боев, в которых нисколько себя не щадил. Ушки потемнели и порвались, но любим он все так же горячо.

Без плюшевого Казимира Малышка до сих пор не ложится спать, она не делает без него уроки, не отправляется без него к реке. Казимир помогает Малышке оставаться одной и направляет на верный путь ее мысли и мечты. Вдвоем с Казимиром она может предаваться им без страха.

В ее мечтах туфли возьмут да и дадут деру, кровать может станцевать и улететь вместе с Малышкой куда угодно. Она знакома с деревней с высоты птичьего полета, и с каждой такой вылазкой, вернувшись в бабушкин мир, чувствует себя богаче.

Оказывается, пускай не часто, но оказывается, что и бабушка не прочь заложить за галстук. Тогда она говорит Малышке: Я горожу ерунду, не слушай, что я говорю.

Когда она заложит за галстук, ей обязательно нужно выкурить еще одну тоскану из тех, что остались от дедушки.

Это входит в программу, — говорит она. — Коль назвался груздем, полезай в кузов. Грешить по мелочевке не стоит свеч.

Ее душа тоже время от времени нуждается в хорошей чистке с помощью печной щетки.

В конце концов, человеку бывает нужно избавиться от пары недобрых мыслей, а лучше всего это удастся, когда заложишь за галстук. Все равно что время от времени перетряхивать чулан, — говорит бабушка.

При всей моей терпимости, — говорит она, — есть тут пара-другая *личностей*, которым я бы с удовольствием накинула камень на шею и утопила в реке.

Бабушка смеется своим *чрезвычайным* смехом, который так нравится Малышке, но имена *личностей*, которых хочется утопить в реке, она не выдаст, это будет ее тайной, тут нечего надеяться на уступки, — говорит она, — проси не проси.

Возможно, причина, по которой бабушка в этот вечер в своей комнате сильно закладывает за галстук и дымит тосканой, связана с длинным письмом, полученным от одной старой подруги. Подруга эта поздравила бабушку с днем рождения, с круглой датой, не имея в виду ничего дурного, однако бабушка терпеть не может, когда ей напоминают, что у нее в запасе не так много времени, и всегда мрачнеет.

Юбилеи вообще-то празднуют лишь до пятидесяти, — говорит она, — а после пятидесяти их деликатно обходят, поводов праздновать хватает и без них.

Она сидит в своем кресле, окутана дымком тосканы, и говорит ерунду. Перескакивая от мысли к мысли, рано или поздно она приземляется в районе Эльзы, которая некоторое время жила с родителями в Африке и с готовностью открывает бабушке окружающий мир своего девичества.

Его населяли разные звери. В курятнике спал Капори, кистеухий свин, вместе с обезьяной Грулигру, зеленой мартышкой.

Однажды ночью Капори задавил во сне свою приятельницу, мартышку Грулигру. Всю следующую ночь он плакал и плакал, и никак не мог успокоиться. Оставшись в одиночестве, без спасительной мартышкиной теплоты у себя на животе, он чувствовал холод африканской ночи и жаловался.

Малышка залезает к бабушке на колени и обвивает ее шею своими тонкими руками. Бабушка на мгновение откладывает сигару в пепельницу, стоящую рядом на столике, и говорит: какой же ты репейник. Ну-ка марш в постель!

У бабушки сохранилась старая сломанная пишущая машинка, для которой уже не купить чернильной ленты, только прекрасный белый лист.

Под настроение, обычно вечером, когда основные дела переделаны, она садится за стол, на котором стоит машинка, заряжает в нее белый лист, как индийский машинописец из того фильма, и Малышка диктует бабушке письмо, адресованное дедушкиной душе.

Когда душа дедушки явится в ночи, поскольку будет тосковать по теплой постели и по бабушке, то сможет прочесть это письмо. Белые листы бумаги бабушка помечает соответствующей датой и складывает в папку, чтобы у дедушкиной души всегда была возможность заглянуть в них, если что-нибудь вылетит у нее из памяти напрочь.

В последнем письме Малышка рассказывает о Казимире, дедушкином друге, которой снова заходил вместе со своей женой, она описывает большие ноги казимировой супруги и как она впихивает их в балетки из змеиной кожи.

Казимир делается всё меньше, — диктует Малышка. — Скоро он исчезнет, как и ты. И в Тамангуре у тебя будет компания.

Осенью бабушка все чаще, со слезами на глазах, возвращается к тем дням, когда она познакомилась с дедушкой. Вновь и вновь старая история про парк. Она ждет под кроной конского каштана, она молода и прекрасна и у нее настоящий взгляд сфинкса, там, в тени темно-зеленой листвы.

Вот он подходит к ней, тенью из тени, чужой, так и оставшийся чужим вплоть до самой смерти. И она слышит три слова, решившие ее судьбу: Я хочу тебя, я хочу тебя.

На этом история прерывается. Вздохом.

У него были шелковые ступни, — опять говорит бабушка. Так кончается история про парк.

Итальянский дядя, живущий в Нью-Йорке, приедет и в этом году, чтобы утешить бабушку. Каждый раз, когда бабушка прячет ключ от дома под половик, дядя — хотя бабушка и прячет ключ всегда в одно и то же место, причем в деревне всем так или иначе известно, что ключ кладется либо под половик, либо в цветочную кадку — обязательно говорит: *Remember where you left your keys!*

Бабушка повторяет: *Remember where you left your kiss!*

Дядя подмигивает ей, и они идут вместе с Малышкой сквозь деревню по главной улице. В отеле «Роза» они садятся снаружи, на солнце, и глядят вниз на жестяные крыши, сверкающие в солнечных лучах. Дядюшка заказывает бифштекс, и бабушка делает большие глаза, как бы рисуя вопросительный знак меж бровей.

Нет, нет, — говорит дядя, — я не голоден, ты, как всегда, прекрасно меня покормила. Я ради чистого удовольствия.

Ради удовольствия всё позволено, — говорит бабушка, — почти. И принимается за розовое мороженое.

Дядюшка смеется и на миг кладет большую тяжелую ладонь на голову Малышки, которая погружает свою ложку в бабушкину вазочку. Затем он вздыхает, прежде чем энергично воткнуть нож в мясо.

Малышке нравится в дяде из Нью-Йорка его неторопливая походка. Оставаясь одна, она пробует изобразить, как ходят разные люди, чтобы понять их получше.

Трубочист, когда он без щетки, идет так, как если бы бежал в спортивных тапочках по горячему асфальту. Изображая его, Малышка нервничает, ей не хочется влезать в шкуру трубочиста, она не уверена, что, будучи

трубочистом, смогла бы удить рыбу. На рыбалке ты должна быть само спокойствие, — говаривал дедушка, — иначе форель внизу по реке не станет клевать.

Иногда, скучая по дедушке, Малышка изображает и его. Тогда она ходит большими, тяжелыми шагами, болтает руками и весело посматривает по сторонам и вверх, на горы.

Самая необычная походка у соседки. При ходьбе она загребает воздух ладонями, как веслами озерную воду, стараясь как можно быстрее пристать к берегу.

У портнихи глазки как у крокодила, зато она хорошо поет.

Brucia la luna n'cieli, e ju bruciu d'amuri, — поет она этим зимним утром возле открытого окна, когда бабушка с Малышкой и с сумкой, полной старых дедушкиных рубашек, заворачивает за угол.

Горит луна на небе...

Бабушка останавливается. Малышка смотрит на нее с вопросом.

Что это за песня такая? — спрашивает бабушка у портнихи, кладя свое пальто на спинку стула, а рубашки на стол портнихи.

Ее комната немного напоминает монастырскую келью и одновременно бордель, — сказала как-то бабушка. Иисус и Дева Мария из золотых рамок улыбаются блондинке в бикини, которая сладко потягивается на плакате прямо напротив.

Портниха вынимает изо рта булавки.

Это сицилийская песня, я научилась ей у моей тети в Палермо, когда была там прошлым летом.

Ты запишешь для меня слова? — спрашивает бабушка.

*Горит луна на небе, я сгораю от любви
 Пылает сердце и огонь течет в крови
 Lanima chianci addilurata
 Non si da paci ma cchi mala nuttata
 Li tempi passa ma non aggiorna
 Non c'e mai suli s'idda non torna
 Горит земля моя и сердце мое тоже
 Ей лишь вода а мне любовь поможет
 Зачем на песнь я осужден
 Когда никто уже не выйдет на балкон*

На улице уже снежит. Пока портниха снимает и вписывает в блокнот мерки, бабушка расправляет рубашки, крутит и вертит их перед собой, оглаживая ладонью с таким лицом, как будто дедушка воскрес из мертвых.

Первый снег напоминает бабушке детство. Вместе с первыми снежинками оно идет на нее лавиной. На мгновение время становится бесконечным, как прежде, когда зима была еще добрым великаном с жарким дыханием, там, где бабушка была Малышкой, а счастье было близким.

Когда бабушка и Малышка возвращаются домой, уже совсем поздно. Их дом на углу сгорбился в темноте и держит на поводке Чана.

С тех пор, как Эльза познакомилась с Элвисом в «Альпенрозе», она охотно туда захаживает. Тихонько сидит она за столом, делая вид, что не слышит, как Клаудия и трубочист перебивают кости своим мужчинам.

О нет, — рассказывает она потом любопытной бабушке, — сегодня речь шла о другом, том, что разговаривал в постели на латыни и не засыпал без пистолета в ночной тумбочке. Как любовник ни на что не годен, — говорит Эльза.

Вероятно, слишком большой теоретик, даже в постели, — смеясь, говорит бабушка.

Да, — говорит Эльза, — а прямо перед сном он быстренько открывал дверцу ночной тумбочки, для проверки, будто там какое сокровище спрятано. И каждый раз облегченно вздыхал, убедившись, что эта его штука все еще там.

И вот этот тяжкий ствол всю ночь лежал между ними в постели, — говорит Эльза. — Про сон сразу можно было забыть, так Клаудия рассказывала трубочисту. Бабушка с некоторым ужасом заглядывает в гостиную, проверить, не слушает ли Малышка.

Денег у него куры не клюют, — говорит Эльза. — Но пистолет, видимо, оказался тяжелее золота, и Клаудия этого типа бросила. Теперь вместо отдыха на море она протирает бокалы в «Альпенрозе».

Где-то есть море, — думает Малышка, притворяясь, будто читает, — такое большое, что целая деревня могла бы в нем не раз захлебнуться. Ворона, когда являлась к дедушке, чтобы рассказать ему свои истории про убийства, иногда упоминала про море.

Ее море было *бескрайним*. Если стоящий на берегу человек смотрел прямо вдаль, он не видел ничего, кроме моря и неба.

Только море. Изредка море швырялось в берег огромной волной. А когда оно было спокойным, то в нем можно было плавать и уплыть так далеко, что люди на берегу казались бы маленькими как муравьи, — говорила ворона.

Бабушка с дедушкой тоже видали море, причем далеко не один раз, и папа с мамой тоже однажды выбрались к морю, вскоре после рождения младшего брата. Малышку они с собой не взяли, для мамы это было бы слишком большой нагрузкой. Она захотела взять с собой одного лишь маленького принца.

Вблизи маленького принца у мамы делалось совсем иное лицо. Это для него она была столь прекрасной, а он тоже был прекрасным для нее, со своими светлыми волосами и носом. У него не было веснушек и рыжих волос. Мама им гордилась, он был малышом, какого ей всегда хотелось.

Однажды, когда мама была с принцем вместе в комнате, Малышка подглядела в замочную скважину, как мама ласкала его и с нежными словами перебирала пальцами его золотые волосы. Трудно было понять, что она говорила, но принц пищал от удовольствия, он обнял своими пухлыми ручками ее прекрасную шею и поцеловал.

Малышка хорошо помнит горячее лето в снегу.

Она сбегает вниз по лестнице перед домом и пересекает дорожку. Новые железные перила покрыты снегом, а сейчас стена дома мягко сливается с белой глубиной, с широкой проезжей частью.

Но тот летний день не затушевать ничем.

Под белым одеялом все еще чувствуется горячий асфальт, который внезапно падает на нее, что-то черное приближается к ней снизу, удар и сразу после удара темная боль.

Когда она очнулась, отец сидел рядом на кровати и утешал ее. Мать сказала, что ничего особенного не случилось. Тогда она снова уснула. Она видела сны. Тучи целыми легионами шли на их дом. Затем тучи рассыпались в стороны и на карниз спикировал орел. Его крылья ударили в полузакрытые шторы, и от звука этого хлопанья она вновь проснулась. За занавеской обозначился силуэт птицы, но это никак не мог быть орел, разве что черная галка. Отец по-прежнему сидел у нее на кровати. Из соседней комнаты доносился мамин голос.

Когда соседка смеется, Малышке становится страшно, что та может ее укусить. Малышка знакома с *чрезвычайным* смехом бабушки, которая сейчас кричит ей из окна, но от смеха соседки у нее мурашки по коже, поэтому она бы-стренько исчезает в доме, не здороваясь.

Пока она поднимается по лестнице, ей приходит в голову, что бабушка постоянно пытается натянуть нос собственной старости. По вечерам она встает перед зеркалом, смеется в точности как соседка и строит рожи своему отражению, раз двадцать подряд. Этим она каждый раз заставляет Малышку ржать и фыркать, так что той впо-ру спрятаться под одеялом и сучить ножками. Тут уже и бабушка начинает хохотать по-настоящему. Она щекочет Малышке пятки до тех пор, пока обе просто не изнемогут от смеха.

Когда соседка смеется, она делает так же, как Чан, когда кто-то хочет забрать у него плошку с едой.

Бабушка уже накрыла стол, на плите пыхтят сковородки. Чан прилежно лежит на своей подстилке. Как только Малышка садится за стол, Бабушка спрашивает:

Чего бы тебе больше хотелось — целую сковородку один раз или же понемногу каждый день?

Целую сковородку каждый день, — отвечает Малышка не раздумывая.

Точно так, — говорит бабушка, смеясь своим *чрезвычайным* смехом. — Плох солдат, что не метит в генералы. Она приносит сковородку, и обе начинают сосредоточенно есть.

К стене за бабушкиной спиной, прямо над ее головой, двумя булавками приколот листок бумаги. На нем написано:

Какой склеп темнее собственного сердца?

Что такое склеп? — спрашивает Малышка.

Это такое место, куда соседка закопала свой нормальный смех, — говорит бабушка. — Ешь давай!

Дождь кончился.

На кухне пахнет мокрой шерстью и Эльзой. Облака проплывают между двумя печными трубами, осень, лиловое небо опускается на дома, однако герани на балконе напротив до сих пор горят ярко-красным цветом.

В этот час соседка развешивает на улице брюки своего мужа. Какое-то время она еще маячит во дворе, будто вырезанный из черной бумаги силуэт на фоне голубого мерцающего прямоугольника. На темечке у нее красная светящаяся точка. Потом женщина вместе с птичьей клеткой уходит вглубь комнаты и затворяет дверь.

Моя душа фотографирует множество вещей, — говорит Эльза и делает глоток кофе, — но я не всегда знаю, к чему относятся эти картинки. Они вдруг всплывают и требуют к себе внимания. Это досадно, — говорит она. — Я чувствую себя сбитой с толку, легко выхожу из себя.

Чего бы тебе не любоваться спокойненько на свои фото? — спрашивает бабушка.

Тебе легко говорить, а у меня нет на это времени. Когда идет дождь, я должна следить за тем, чтобы он не проник сквозь стены и не просочился под кожу. А здесь, в горах, даже солнце коварно. Оно делает скалы еще скалистее и выжигает последние остатки разума из мозгов.

В этот день Эльза пришла на ужин с большим опозданием. Бабушка все еще немного дуется, что Эльза забыла о ее приглашении. Она уже успела убрать тарелки, а Малышка, сидя за кухонным столом, готовила уроки. Хотя обычно Эльза весьма пунктуальна.

Наверное, — сказала бабушка, — Элвис-таки снова куда-нибудь удрал.

Тут на пороге внезапно возникает Эльза, в самом неприглядном виде. Она стоит, прижимая к лицу платок.

Однажды Эльза якобы сказала Элвису, мол, ты и я, мы с тобой как два слона в козлятнике.

Ничего хорошего это не сулило. Эльза садится и гладит Малышку по голове, чтобы утешиться самой.

Слоны не только разносят козлятник, они также должны постоянно заслонять всем солнце, такие здоровые и толстые, — думает Малышка.

И всякий раз, когда Эльза собиралась освободить пространство и уже стояла в дверях, Элвис, как назло, о чем-нибудь спрашивал — даже если до этого он часами молчал как могила. Стало быть, она не могла выйти из комнаты, она должна была оставаться с ним, должна была без устали выслушивать все его *troubles*, чувствуя себя слонем в козлятнике. Разве может человек такое выдержать?

А наутро, совершенно измочаленная, она сидела на кухне и задыхалась. Она представляла себе, как будет жить в бочке, и Элвис придет к ней и спросит, есть ли у нее какие-нибудь желания, а уж она с удовольствием скажет: Не заслоняй мне солнце!

Что остается от людей, когда они уходят? — говорит бабушке Эльза и вздыхает. — Некоторые оставляют отпечаток на стуле, на кровати или на коже, но под кожу мало что просачивается, — говорит она и опять вздыхает.

По большей части ничего не остается, — говорит она. — Разгладись одеяло и опять все по-прежнему.

И все же ты плачешь, — говорит бабушка.

Гордый мой, мой луноликий! — говорит Эльза и только теперь начинает рыдать по-настоящему.

В толстую стену желтого дома, где Эльза живет с Элвисом, опирается кладбище. В одном из его уголков есть две заросшие могилы с изящными крестами, украшенные искусственными розами и лилиями. Медные таблички с именами почти забиты сорняком. А рядом еще две совсем свежие могилы. Эльза и бабушка стоят некоторое время тихо.

Раньше дети сидели верхом на надгробьях, собирали лесную землянику и развлекались, — говорит Эльза, нагибается и поправляет одну розу. Она на скорую руку поливает водой свежие цветы и идет вслед за бабушкой к выходу на улицу. Стайка воробьев порхает в дрожащем воздухе.

Прямо перед воротами Эльза останавливается.

Погоди, — говорит она бабушке, — я должна быстренько повидаться с Луизой. Луиза, повивальная бабка, умерла дважды: один раз как лиса и один раз как человек.

Это случилось летом, когда в доме по соседству родился второй ребенок. Девочка, худая, с рыжими волосами и крапинками на лице.

После того, как Луиза освободила девочку от пуповины и обмыла ее, она пошла в лес собирать грибы. Там, на одной из просек, ей навстречу попала лиса. Казалось, она нисколько не боится, напротив, остановилась и посмотрела Луизе прямо в глаза, и они моментально узнали друг друга. После этой встречи Луиза, когда ее охватывало желание бежать из людского ада, могла превращаться в лису.

Если она рыскала по лесу, то полностью становилась лисой, а порой, если была голодна, пожирала собственных курочек.

Человеческий облик пылился, бывало, заношенным
платьем дни напролет.

Могилу Луизы украшают два больших железных креста. Эльза гладит кресты рукой, а потом догоняет бабушку.

Как раз сейчас бабушке в голову приходит пустыня, пропеченная до черноты, высокие барханы, несущие по ночам лунный серп, верблюд и, на некотором расстоянии, дедушка на фоне бледного озера Полумесяца.

Воспоминания далеки от правды, но они делают счастливыми, — говорит она.

Днем, когда солнце попадает в левый угол окна, быстрый луч касается фотографии в рамке, стоящей на комодe, заставляя дедушку на фото коротко просиять. Иногда Малышке удается подкараулить именно этот момент, и тогда она видит, как дедушка подмигивает ей.

Темно, как у негра в ухе. Бабушка и Малышка едут вместе с фрау доктор сквозь ночь в ее машине. Видимость ограничена светом фар, на небе ни звездочки. В такие ночи они падают вокруг дома на землю, и кошка съедает их все. Малышка слышит это, в такие ночи ей слышно, как около дома раздается хруст и краткий, мучительный вскрик перед тем, как звезда погаснет.

Они возвращаются домой после целого дня закупок по ту сторону границы. Перед рощицей фрау доктор выпускает из обеих из машины, оставшуюся часть пути они могут пройти пешком. Бабушка идет вперед по узкой дороге с полной сумкой и карманным фонариком. Луна выплывает из-за облака, у нее ореол, предвещающий ненастье.

Вот бы сейчас из темноты в световой луч опять прыгнула косуля! Малышка крепко держится за бабушкину куртку, она видит перед собой косулю, внезапно застывшую на свету, как в тот раз, и слышит испуганный крик: Ааай-ин!

У фрау доктор большой сад, в нем растут цветы всевозможных расцветок, цветы, которых в деревне больше нигде не увидишь. Названия их и то неизвестны. В бабушкином саду растут лишь люпины, чертополох и оранжевые лилии. Они красивы, но обыденны, они известны всем и цветут в любых садах. Самыми прекрасными Малышке кажутся вещи, которые только предстоит открыть, к примеру, цветы фрау доктор. Но как к ним подобраться? Вокруг тянется высокий забор, в котором нет дыр, как в заборе фруктового сада у католического священника, куда легко забираться за мирабелью, гораздо более вкусной, чем мелкие груши в собственном саду.

Малышка уговаривается с Люцией, девочкой из «Альпенрозе», они звонят у дверей красивого особняка, фрау доктор открывает и улыбается. Она тронута: украсить могилы на кладбище *этими* цветами! Чудесная идея, чудесная, — хвалит она Малышку и Люцию, треплет их по щекам, берет свои цветочные ножницы, и вскоре после этого девочки с двумя большими сумками, полными цветов, бегут по деревне и прячутся позади здания школы, где их никто не увидит.

Вечером Малышка приходит домой с огромным букетом цветов, подарком для бабушки от фрау доктор, бабушка растрогана, вот уж чего она никак не ожидала от фрау доктор, ведь по обыкновению та немного задирает нос, хотя сама обслуживала гостей в «Альпенрозе», прежде чем вышла замуж за доктора и сделалась другим не чета.

Тем же самым вечером мать Люции также получила в подарок цветочный букет, соседка тоже, и в течение нескольких следующих дней фрау доктор собрала немало благосклонных улыбок, по неизвестной причине — она

ни с кем не разговаривала, а на кладбище, с тех пор, как боженька отнял у нее безо всякого предупреждения ее малыша, она не ходит. Впрочем, сколько-то она в него верит и надеется, что эти ее цветы на могилах вызовут у него расположение. Это никогда не помешает.

Легкий страх провалиться, что в непосредственной близи от бабушки преследует Малышку днями напролет, отдает соблазном, это секрет, принадлежащий одной лишь Малышке, ее тайный триумф над бабушкой, которая своим носом всё всегда чует и знает наперед, но на этот раз она побеждена.

Когда родители еще были здесь, в деревню однажды приехал маленький цирк. В вечерних сумерках на свежескошенном лугу балерина водила по кругу большого козла, и летучие мыши запутывались в его космах. Завороженная Малышка стояла между матерью и отцом, отец держал ее за руку, мать стояла поодаль, держа руку на своем большом животе с младшим братом внутри.

Картинка эта в целости и сохранности у Малышки.

В мастерской дома Эльзы, не без помощи учителя, которому с Чудными довольно комфортно, Эльза соорудила из оленьих рогов «машину Элвиса для трубления» и хочет продемонстрировать ее бабушке и Малышке.

Из гипса, ткани и кожи Эльза изготовила и прикрепила к рогам нечто вроде шлема, так что рога теперь можно надевать прямо на голову и свободно чувствовать себя оленем. К «машине для трубления» прилагается мегафон.

Таким образом любой рогач может по желанию и под настроение трубить как олень, — говорит Эльза. Таким образом Эльза приобрела в деревне пару врагов.

В центре деревни, где главная дорога пересекается с крутой улочкой, Малышка сворачивает налево и проходит мимо завиральной скамьи, где после полудня сидят старики и чаще всего молчат. Или же рассказывают друг другу байки, сложив руки на коленях. Лишь изредка кто-нибудь пошевелит рукой, чтобы отогнать муху.

Чуть дальше, внизу, почти рядом со школой, Малышка каждое утро встречает белую лошадь с одетым в черное мужчиной. Прислонившись к стене дома, он курит сигарету и смотрит, как лошадь пьет из колодца, как она пригибает свою морду к воде, а после одним рывком вздергивает голову вверх, так что вода бежит по ее длинной шее. Лошадь трясет гривой. Она выглядит очень разумной и, похоже, немало важничает, как будто ей все давным-давно известно.

Отчего-то лошадь и коза кажутся родственными душами.

В окне позади мужчины отражается блеклый расцвет. Доброе утро, — говорит Малышка, но черный мужчина не отвечает, и лошадь тоже ведет себя так, как если бы Малышка носила шапку-невидимку. Быстрыми шагами Малышка удаляется в сторону школы, минуя черного мужчину и его лошадь, как минуют витрину, полную вещей, которые нельзя купить.

Поздно вечером, придя из школы домой после репетиции деревенского праздника, Малышка застает бабушку дремлющей перед телевизором. В этот самый момент на экране преступник в черной маске крепко стучит в дверь. Бабушка вскакивает.

Это ты, дверь же открыта, — бормочет она, не успев вернуться из объятий мимолетного сна... — это всего

лишь Сальери в маске, там, у двери. Хотел получить от Моцарта реквием... говорит, хорошо заплатит! — объясняет она Малышке.

Знаешь, пока я дремала, я пришла к выводу, что уже очень давно ни с кем не разговаривала по душам. *По душам*, — подчеркивает она, — обо всем, — и снова разглядывает потолок.

Но ведь я же здесь, — говорит Малышка и с обидой смотрит на бабушку. Да, — говорит бабушка, — ты здесь, усмехается и берет лицо Малышки в ладони.

Марш на кухню, ты наверняка хочешь есть, да и я тоже.

Переплетение голых черных ветвей образует фон этой фотографии.

На первом плане мы видим юную женщину, слегка склонившую голову влево. Она смотрит вдаль, словно не замечая камеры.

За переплетением голых ветвей должна быть река, ее сверкающая лента, а спереди должен быть дом. По-видимому, зима или поздняя осень.

Судя по одежде женщины, это скорее зима, потому что на ней белая штормовка и плотный красный шарф, похоже, ей холодно. Свет резковат, вероятно, она наклонила голову оттого, что из-за туч показалось солнце и слепит ей глаза.

Мы не видим ни кустарника, ни лежащего за ним леса, откуда женщина возвращается с прогулки. По ее лицу невозможно прочесть, весела она или грустна, лицо застыло от холода. Правой рукой женщина делает на уровне шеи такое движение, будто хочет прогнать нечто из своей жизни. На обратной стороне фотографии указан год. Бабушка всего несколько дней в деревне и еще незнакома с дедушкой.

Вчера я видела сон о стеклянном мужчине, — говорит Эльза, — я могла спокойно заглядывать в него и сквозь него. Плоть, бесцветная как ноябрьский день. Никакой крови, кишки дымились, сердцем даже не пахло. Мозги тоже растворились в тумане. Кости отполированы до блеска. Пульса нет.

Такой покой в этом теле. Маленькая белая змея ползла, извиваясь, по каналам, по жилам, сосудам и пазухам.

Время от времени сквозь отверстия доносился легкий храп.

Бабушка лежит на больничной койке, ей 93 года. Ее глаза кажутся сейчас еще больше, нежели помнится той юной женщине. Седые волосы, собранные в тонкую косу, устроились довольной змейкой у нее на груди, которая едва-едва поднимается и опускается.

Она крепко держит руку Малышки и с силой, которую в ней трудно заподозрить, проводит ею по своей левой груди. Здесь больно, — говорит она.

Прикоснувшись к ее груди, юная женщина замечает, что она у бабушки по-прежнему большая и упругая, так что, когда медсестра расстегивает ее больничную рубашку, чтобы обследовать больное место и втереть в него какую-то жидкость, грудь вываливается из нее и напоминает белую дыню.

В этот момент бабушка говорит:

Моя душа все еще молода.

В комнате наступает тишина, как будто три женщины напряженно вслушиваются, не скажет ли что-нибудь сама душа, коли о ней речь.

На следующий день бабушка отправилась в Тамангур.

В этот день на светлом небе было всего несколько черных пятен, будет говорить позже юная женщина. Хотя, может быть, это я его осветлила задним числом.

Русский Гулливер

планирует выпустить в серии

БРАТ GRIMM

книги

Бориса Бартфельда, Станислава Винценца,
Войчеха Пестки, Щепана Твардоха,
Зигмунта Хаупта, Аншлава Эглитиса

Русский Гулливер

планирует выпустить в серии

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА

книги

Игоря Белова, Яна Вагнера, Сигитаса Гяды,
Тимотеуша Карповича, Моники Ринк, Збигнева Херберта,
Эберхарда Хефнера, Ульфа Штольтерфота

www.gulliverus.ru; www.gvideon.com

По поводу покупки книг звонить: +7 (905) 575 41 03

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Cherry Pie
112114 Москва, 2-й Кожевнический пер. 12

GULLIVERUS

ISBN 978-5-91627-159-1

9 785916 271591